

Кукурузный сон

18+

Иван Пудовкин

Иван ПУДОВКИН

Кукурузный сон

«Автор»

2023

Пудовкин И.

Кукурузный сон / И. Пудовкин — «Автор», 2023

Антону всего восемнадцать, но вопрос — «кто я?» становится для него навязчивым. Он мечтает стать писателем, но родители хотят видеть его врачом. Друзья пользуются его неумением отказывать им в материальной помощи, а в отношениях с девушками он стеснителен и неуверен. Однако это не мешает ему воспринимать мир открыто и позитивно, пусть и с некоторой долей иронии, которая, в большей степени, направлена на самого себя. Трагическая любовь, предательство друзей, попытки переосмыслить свою жизнь приводят его в тюрьму... Найдет ли он ответ на мучающий его вопрос?

Содержание

I	6
II	16
III	28
IV	40
V	49
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Иван Пудовкин

Кукурузный сон

Завещание – единственное, что пристойно и уместно писать в палате смертников. Так уж сложилось, что мне нечего завещать своим потомкам, да и вообще кому бы то ни было, поэтому я и решил рассказать вам эту историю. Я начал писать ее еще в то время, когда хотел стать писателем, как раз девять лет назад. Позже это желание как-то поблекло и отошло на второй план, но рукопись я почему-то все же сохранил. Возможно, потому что у меня действительно больше ничего нет.

«Самореализация – одна из важнейших задач любого человека»... Не помню, кто сказал эту фразу, но она зацепилась в моей памяти, и я частенько задумывался над смыслом этих слов. Слова... Шаблоны и клише, раз и навсегда заклеянные бездушными вещами, но пытающиеся выразить что-то одухотворенное, и, если они все же затрагивают какие-то струнки вашей души, значит, вы еще не достигли той вершины абсолютного цинизма и прагматичности, к которой стремится большинство людей, ища на ней тишины, покоя и сытого существования.

Человек соткан из противоречий – он ищет смысл жизни, не ведая того, кто он сам... Вам встречался хотя бы один человек, который с уверенностью мог сказать: «Я познал смысл жизни»? Мне – нет. Уверен, если такой человек все же есть, то он будет спешить поделиться своими знаниями с кем-то еще. Подозреваю, ничего возвышенного в смысле нашей жизни нет.

Если я доживу до своего дня рождения, то через две недели мне исполнится двадцать семь лет. Казалось бы, рано еще подводить какие бы то ни было итоги, но палата смертников не то место, где что-то может быть рано. Так ее называют, потому что сюда переводят безнадежно больных. Нас еще лечат, а врачи даже пытаются сохранять хорошее лицо при плохой игре, чересчур жизнерадостно заверяя, что мы обязательно поправимся. Неделю назад нас было восемь, теперь пять. Все пятеро знают, насколько серьезно они больны, – шансов выиграть сюрприз в лотерею «6 из 48», наугад зачеркнув цифры, в миллион раз больше, чем нам выздороветь, но, несмотря на это, маленький огонек надежды теплится в каждом из нас, а единственным топливом для этого огонька служит полуполюгендарная история тридцатилетней давности, повествующая о том, что одному пациенту этой палаты все же удалось выжить. Согласен, не бог весть какое утешение, но его хватает, чтобы питать надежду. Я не люблю надежду. Не ненавижу, а просто не люблю. Ненавидеть – это глупо, это то же, что ненавидеть самого себя, она ведь составляет часть нас. Надежда – это наша слабость, но что поделать – человек и не подразумевался сильным существом.

Наша палата находится на четвертом этаже, а сама больница стоит на высоком берегу Оби. Из окна открывается чудесный вид на заливные луга противоположного берега. Яркие лучи солнца агрессивно оккупировали всю палату и переливаются слепящими вспышками на металлических дужках кроватей. На дворе разгар лета. Две тысячи двадцать первый год. История, которую я хочу вам рассказать, тоже началась летом. Не уверен, что она кого-то обогатит внутренне, но, может, заставит несколько по-другому взглянуть на окружающий мир и свое место в нем. А это уже много. Поверьте, уж я-то знаю. Итак, было лето две тысячи двенадцатого года...

*«Выучи, вызубри, не забывай
И повторяй, как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй...»*

В. С. Высоцкий

I

Утро выдалось хмурым и пасмурным. Июнь в этом году вообще не удался. По крайней мере, начало. Да и вообще весь год какой-то странный – все торопятся жить, спешат, нервничают. Мне кажется, что я догадываюсь о причине того, почему люди себя так ведут. Во всем виноват тот умник, что оповестил народонаселение нашей планеты о конце света. Апокалипсис! Конец света он связал с тем, что календарь маяя заканчивается на дате двенадцатое декабря две тысячи двенадцатого года. Все! Сидим и ждем. Нервничаем. Вы ведь знаете: нашим людям дай только повод попереживать, можно даже хлебом не кормить, – все, сядут, головушку повесят и будут себя поедом съедать. И ведь никому не придет в голову – а с чего вообще связывать календарь маяя с наступлением конца света? И даже если все-таки есть какая-то завуалированная причинно-следственная связь, то ведь может быть и множество других причин, помимо апокалипсиса, почему прервался этот календарь. Может ведь такое быть, что тот человек, который вел его, просто умер, а? Или ему надоело, и он решил попробовать себя на поприще охотника на крокодилов? А может, его вообще съели соплеменники, потому что он был последним, кто умел считать, – остальных раньше съели. Думаю, что, когда они его на вертеле поджаривали, он им кричал, что является единственным и неповторимым, но они его не слушали – кушать очень хотелось. Реально? Вполне! Маяя, они ведь еще те троглодиты были, недаром считаются одной из самых кровожадных цивилизаций. Не ацтеки, конечно, но тем не менее... Но нет, никому эти вопросы не придут в голову. Мы просто сядем и будем ждать. А модные режиссеры Голливуда по-быстренькому снимут хитовый фильм со своим видением планетарной катастрофы и будут потирать руки, подсчитывая выручку от его проката. При этом они будут наблюдать за тем, как их фантазия добавляет истерии в людские массы, и хихикать. Подленько так, пакостно, прикрывая рот ладошкой. Тьфу! Знаете, кто по-настоящему рад всему этому сумасшествию? Продавцы подземных бункеров! Вот кому сплошная выгода и навар – их товар сейчас разлетается, как горячие пирожки! Может, это они подготовили того умника? Почему нет, а? И все ведь так красиво у них сложилось – двенадцать-двенадцать-двенадцать. Символично. Прямо «Матрица» какая-то. Ну да ладно, пусть сами разбираются, символисты несчастные, не до них мне сейчас. Если честно, то мне вообще глубоко фиолетово – будет конец света или нет. Я в это просто не верю – ни в конец света, ни в голливудские фильмы.

У меня сегодня свой траур. По какому поводу? Сегодняшний день будет считаться началом моей взрослой жизни, и ознаменован он будет двумя знаковыми событиями. Во-первых, теперь у меня есть свое собственное жилье, а во-вторых – сегодня я устраиваюсь на работу. По крайней мере, честно постараюсь это сделать. Но об этом чуть позже, а пока вас наверняка заинтересовало, почему это я столь знаменательный день называю трауром?

В детстве все мы мечтаем поскорее стать взрослым и освободиться от опеки родителей. Всем нам подавай личное пространство и прочую муру, которой мы бредим, – ну, знаете, все эти капризы неокрепшей психики: вставать поутру, когда мы выспимся, кушать, когда мы хотим и лишь то, что считаем съедобным, ну и множество других вещей, которые нам кажутся чересчур важными. Я тоже мечтал. Мечтал страстно и отчаянно, особенно в дни родительских собраний, когда маме приходилось выслушивать мнение школьных училок по поводу моего поведения, а потом уж мне приходилось... Ладно, не суть важно, в общем, я тоже мечтал. И вот этот день наступил. Все, никакого контроля и опеки. Свобода! Мечта идиота сбылась – ты добился чего хотел! Ликуй! Но что-то мне не ликовалось. Скажу больше – мной начали овладевать сомнения. В голове вдруг промелькнули первые признаки осознания того, с каким количеством проблем и забот мне теперь придется столкнуться один на один. Бытовых, финансовых, всяких...

Конечно же, у меня всегда есть возможность поднять руки вверх и сдаться – приползти под крылышко родителей, в зону уюта и комфорта и зализывать раны от схватки с суровой реальностью, расписавшись в полной своей несостоятельности. Заманчиво, но это не для меня. Я ведь самостоятельный и полностью уверенный в своих силах, знающий в свои неполные восемнадцать о жизни больше, чем знают мои родители в пятьдесят. Я... я... Да вселенная крутится вокруг меня! Вот кто я!

Ну, а если серьезно? Действительно, кто я? Молодой человек, который считает, что ему все по зубам? Или как там говорится? Неважно, главное, что у меня большое сердце! Почему большое? У меня очень много друзей. Ну, я их так называю. И они меня так называют. Правда, в основном это случается тогда, когда им нужна помощь. Финансовая. Тогда они так и говорят: «Друг! Мне нужны деньги...», или «Займи, друг! Край надо...», или... В общем, вариантов много, но почему-то всегда все сводится к деньгам. Нет, я не являюсь бастардом Рокфеллера и, к сожалению, не имею абсолютно никакого отношения к J. P. Morgan, но деньги у меня водятся, так как неплохо разбираюсь в европейском футболе и моих знаний хватает для того, чтобы помаленьку щипать букмекерские конторы. Играю я не по-крупному и не на основных коэффициентах, так что на карманные расходы хватает, ну и на помощь друзьям тоже. Знаю, что нужно уметь отказывать хотя бы иногда, но не могу этому научиться. Наверное, потому и говорю, что у меня большое сердце. Можно выразиться и проще – лошара. Скорее всего, это так и выглядит, потому что никто из моих друзей не возвращал мне денег, взятых в долг. Никто и никогда. Но я-то даю им деньги по своей воле, искренне считая, что выручаю их. В общем, у меня большое сердце, и точка! Блин, теперь, когда они узнают, что я устроился на работу, их обращения о материальной помощи удвоятся. Или утроятся?

Да, работа... Работа мне привалила еще та, скажу я вам! Но все по порядку. Родители почему-то мечтали о том, чтобы их дети стали врачами. Само по себе желание неплохое, но несколько странноватое, так как вообще мои родители далеки от медицины, мама – учитель русского языка и литературы, папа – заверченный технарь, поэтому подозреваю, что все это из-за бабушки. В свое время она была очень известным хирургом у нас в городе, и мне кажется, что это она натолкнула родителей на эту мысль. Моей сестре удалось благополучно избежать посвящения в эскулапы – десять лет назад она поступила в политех и, с отличием окончив его, работает теперь программистом в крупной компании. Мои же математические способности ограничиваются быстрым перемножением коэффициентов на сумму сделанной ставки, поэтому сопротивляться воле родителей мне было труднее, и пришлось отдуваться за двоих. В общем, какое-то время идея, подкинута бабулей, культивировалась в мозгах моих предков, а потом отец сказал:

– Сын! Ты будешь врачом!

Представьте, так и сказал! И ему вообще фиолетово, кем бы я сам хотел стать. А кем бы я хотел стать? Писателем! Знаю, словесный запас у меня пока еще маловат, да и предложения толком не умею составлять, но ведь это дело наживное, приходит с опытом, так сказать. А вообще у меня очень хорошо развита фантазия, и истории я люблю придумывать, а стихи пишу с десяти лет. Душа тянется к прекрасному, но кого это интересует, кроме меня? А я вам скажу – ни-ко-го! Эх, жизнь... Нет, я ничего против врачей не имею, поймите правильно, врач – очень благородная профессия, помогать страждущим, спасать больных и так далее. Глядишь, и на том свете зачтется. Но я-то хочу быть писателем! Ау! Слышите, писателем! Нет, никто не слышит. Впрочем, как всегда. Ладно, на чем я остановился?

В общем, родители обмозговали идею бабули и пришли к выводу – а почему бы и нет? Только в их случае это звучало не с вопросительным знаком в конце. Ну, вы понимаете, о чем я говорю: решение не подлежало обжалованию, да и обжаловать его было негде – инстанция хотя и была первая, но она же была и последняя.

Предки с энтузиазмом принялись воплощать идею в жизнь. Зашли издалека – после окончания мною девяти классов меня перевели в специализированную школу с углубленным изучением медицины. После ее окончания предполагалось мое поступление в мединститут. Прошу обратить внимание, слово «предполагалось» – ключевое в предыдущем предложении. Запомнили? Дело в том, что сам я поначалу как-то не очень серьезно отнесся к планам родителей по устройству своего будущего, а если честно сказать, даже слишком легкомысленно отнесся. А зря. Потому как у них уже все было распланировано тщательнейшим образом. Окончил школу я лишь неделю назад, а теперь мне нужно было в срочном порядке устроиться на работу в больницу. Что за спешка, спросите вы? Полностью с вами согласен! Но дело в том, что почему-то считается, что работа в больнице перед поступлением в мединститут служит хорошей рекомендацией. Не спорю, рекомендация мне бы не помешала, потому что ЕГЭ, скажем прямо, я сдал более чем посредственно. Меня другое интересует – как работа, заключающаяся в мытье коридоров и выносе уток из-под тяжелобольных, может послужить подобной рекомендацией? Каким образом подобные занятия могут дать мне дополнительный балл при зачислении? Скажите мне, пожалуйста, очень я хочу это знать. Ну, бабуля!.. Чувствую, без нее и здесь не обошлось, родители бы просто до этого не додумались. Прощайте теперь, летнее солнышко и речной песочек, здравствуйте, швабры и какашки. Но меня это не пугает. Знаете почему? Со вчерашнего вечера у меня есть собственное жилье! Отдельное! Я нашел эту конуру сам, по объявлению. Мама была шокирована, когда впервые увидела эту дыру, она даже пыталась отговорить меня заселяться. Представляете? Убедить меня отказаться от восхитительного, пьянящего ощущения свободы? Ну уж нет! Вот отец – молоток! Увидев мой упертый взгляд, он сказал:

– Ну, Антон, езжай. Ты уже взрослый, пора отпустить мамину юбку и учиться жить самостоятельно.

Наверное, я все же ожидал чего-то большего в напутственной речи родителя, но он больше ничего не сказал. Нет, не подумайте, у меня не было обиды или еще чего-то подобного. Ну, может, небольшое послевкусие горечи неоправданных ожиданий... Ну и фиг с ним. Я собрал вещи в спортивную сумку, взял клетку с Сарой и переехал.

Так, отматываем немного назад. Сара! О ней стоит сказать отдельно. Это крыса-альбинос, моя любимица. Знаете, такие белые юркие твари с красными глазами и розовым хвостом? Так вот, это не про Сару – у нее глаза глубокого черного цвета, точно бусинки. А в остальном, да, – белая и хвост розовый. Не знаю, может, у кого-то они и вызывают отвращение, но я ее люблю. Да, да, вы не ослышались – люб-лю! Возможно, сейчас какой-нибудь ушлый психотерапевт с безупречным знанием фрейдовского психоанализа попытается найти неподдающуюся объяснению связь между нежными чувствами, испытываемыми мною к этой животинке, и тем фактом, что, дожив почти до восемнадцати лет, я все еще являюсь девственником... Упс! Я что, это вслух сказал? В принципе, от вас мне скрывать нечего, это я в глазах сверстников иногда хотел бы казаться Казановой. Заметьте – иногда! Вообще я не комплекую по этому поводу. Ну, может, самую малость. Во всяком случае, ничего зазорного я в этом не вижу, даже наоборот. Стоп, давайте-ка сразу все обговорим, а то чувствую, что кое у кого мыслишки пошленькие промелькивать начали. Я не закрываюсь в туалете и не мастурбирую, как сингапурская макака... Откуда мне известно поведение сингапурских макак? Не помню, слышал где-то об этом. Не спорю, секс в моем возрасте имеет очень большое значение, по крайней мере все мысли только о нем, поэтому частенько по утрам приходится менять обделанные ночью трусы, но... Как бы это объяснить? Секс стал слишком доступен, в нем не осталось тайны и напроочь отсутствует эмоциональная составляющая, понимаете? Я не позиционирую себя высокоморальным поборником нравственности (это очень ошибочное мнение обо мне, если вдруг кто-то так подумает), нет, просто у меня в плане выбора подруги сложилась своя теория, можно даже сказать, целая система жизненных ценностей. Хочется, чтобы раз и наве-

гда, понимаете? Да к тому же я и стеснительный. Правда, стараюсь этого не показывать. Так вот, что касается моей девственности. Бывает же так, что мы сами себе что-то напридумываем, а потом гордимся этим? Не врите – бывает! Вот и я горжусь тем, что я девственник. Горжусь перед самим собой. В общем, вы поняли, что я нормальный парень и со мной все в порядке в плане сексуальной ориентации? Вот и хорошо! Так что связи между моей любовью к Саре и отсутствием на данный момент в моей жизни любви к девушке не ищите – нет этой связи, ошибся психотерапевт. Уверяю вас. Точняк! Уф-ф, трудно-то как писать, оказывается. Ну да ладно, катим дальше. На чем я остановился?

Ага, значит, собрал я вещи, взял Сару и переехал на новое место жительства. Сару переезд шокировал, ее можно понять – жилье состояло из девяти квадратных метров, и меблировка этих метров оставляла желать лучшего. Чтобы у вас сложилось ясное представление о том месте, где мне предстояло жить, вообразите: вы входите в комнату, восемьдесят процентов пространства которой занимает разложенный диван, слева в углу раковина, рядом с которой приютился малюсенький столик, исполняющий обязанности тумбочки, с электрочайником на нем. Все. Все? Да, все. Представили? А Сара это увидела! Бедненькая, она весь вечер носилась по клетке как сумасшедшая, периодически кидаясь на металлические прутья стенок и издавая неприятный писк при этом. Мне кажется, что, умей она говорить, она бы сказала: «Какого черта! Куда ты меня притащил?! Неси обратно! А-а-а», или еще что похлеще. Но она не умела говорить, ну, или очень тщательно скрывала это. В общем, набегавшись по клетке, ближе к ночи Сара забилась в угол и затихла, видимо, смирившись с неизбежностью проживания в этой дыре. Затих и я. Первая ночь вдали от родительской опеки ничем примечательным не ознаменовалась. Наверное, я слишком устал или перенервничал, а может все вместе взятое, но уснул я как убитый.

В девять утра я уже был на ногах. Сегодня мне предстояло устроиться на работу в новую краевую больницу. Согласен, работа так себе. Мыть коридоры и выносить утки, но даже это по рекомендации бабули. У-у-у, rrr... Уверенности в том, что меня примут, не было, и все-таки интуиция подсказывала, что рекомендация известного в прошлом хирурга закроет двери краевой больницы за, а не передо мной. Ну да ничего страшного, выбора у меня большого не было, то есть его вообще не было. Почему? Да! Я ведь не сказал: первый месяц моего проживания в моей (!) комнате оплатили родители, а вот дальше мне предстояло платить самому. Из зарплаты. В букмекерских делишках у меня наступил «мертвый» сезон – все европейские футбольные лиги ушли на летний перерыв. Последнее, на чем я успел немного подзаработать, – финал Лиги чемпионов, в котором неожиданно для многих «Челси» переиграл «Баварию», пусть и по пенальти. Но с того времени пошла третья неделя, и денюжки, по крайней мере их большая часть, успели благополучно перекочевать в карманы моих друзей. Правда, вот-вот должен был начаться чемпионат Европы по футболу, но это такое событие, которым нужно наслаждаться, не вспоминая о возможности заработать на этом деньги. В принципе, много на нем не заработаешь, во всяком случае, по той системе, которой придерживаюсь я, – слишком быстро, слишком мало статистики, слишком много эмоций. А на тех чемпионатах, которые продолжались сейчас, – первенство Австралии и Океании, Японский чемпионат – я как-то не рисковал играть. Согласитесь, потерять деньги, пусть и небольшие, на команде «Накати-ко-Шибану-ка» удовольствие сомнительное. В общем, в ближайшие пару-тройку месяцев рассчитывать на этот источник дохода мне не приходилось. Улавливаете? Во-от! А еще говорят, что предки тупые. Сами вы тупые, а у них – трезвый расчет и жизненный опыт. Ну, ничего, и я не пальцем деланный. Да, отец?

Вывалив на диван вещи из сумки – трусы, носки, пару футболок, джинсы, спортивный костюм и банные принадлежности, я оставил в ней лишь документы, блокнот и ручку. Ну вот, я готов! Нет, подождите. Мне кажется, что я должен сказать несколько слов о своей сумке. Не

морщите лоб и не хмурьте брови, сначала послушайте. Сумка у меня – супер! Конечно, она уже старенькая – два года я с ней везде таскаюсь, но мне она нравится. Темно-зеленая, с довольно сильными потертостями, но фишка – это рисунок: на фоне черной будки сидит собака с красными глазами, под ней надпись: «Волк – это собака, ушедшая в партизаны». Класс, правда? Вот и я так думаю. Все, катим дальше.

Наскоро умывшись и почистив зубы, я хотел было уже покинуть свою комнату, готовый попытаться занять свое место под солнцем, пусть пока и в роли санитаря краевой больницы, но тут запиликал мой телефон. Дайте-ка я угадаю – мама? Попытка невинного контроля? Я взглянул на экран – БИНГО! Плюс две тысячи очков, и я выигрываю фарфоровую статуэтку енота-полоскуна!

– Да, мам?

– Ты еще спишь? – неуверенно спрашивает она.

– Нет. Иду устраиваться на работу. Документы со мной, – на опережение выстреливаю я.

– Ты сегодня к нам заедешь?

Соскучились? Не может быть, слишком мало времени прошло. Я не жестокий человек, а в чем-то даже человек чувствительный, но... Я снова это вслух сказал? Забудьте, я просто монстр!

– Нет, ма, не смогу. Дел много. На выходных.

– Завтра?

Тоже ведь ляпнул, завтра уже суббота.

– Нет, в воскресенье.

– Хорошо, но ты обязательно позвони нам, как устроишься на работу.

– Позвоню. Ладно, ма, мне пора. Пока.

Заметили, как быстро произошло разделение – «мы» и «ты»? А ведь шестнадцать часов назад была семья. Да, взрослая жизнь – потемки...

Сара вновь лапками залезла на прутья клетки и наблюдает за мной.

– Даже не думай! Сегодня я тебя с собой не возьму.

Дело в том, что я часто беру ее на прогулки. Только, пожалуйста, не думайте обо мне хуже, чем я есть. Просто Сара любит гулять, а делает она это, удобно устроившись у меня на руках. По земле она ни разу не бегала. Может, боится, а может, ленился. Но это ее право – она ведь девочка. Кажется, сейчас она собирается заплакать.

– Сара, перестань! – я перекидываю сумку через плечо. – Все. Я ушел. Пока. – развернувшись, я покидаю комнату.

В блоке, где находится моя «конура», еще четыре комнаты, общие кухня, ванная и туалет. Когда-то это было рабочее общежитие, но в лихие девяностые его «прихватизировали» ушлые предприниматели и переделали в коммунальные квартиры. С соседями я еще не познакомился, но, судя по пьяным песням, весь вчерашний вечер доносившимся с кухни, люди они простые, компанейские, но абсолютно лишенные слуха.

На улице прохладно и неуютно – говорю же, с летом не задалось. Солнца не видно, тучи по всему небу хмурятся. В такую погоду только стихи писать, а тут – на работу. Ничего, прорвемся! Закуриваю и топаю на трамвайную остановку. Долго ждать не приходится – что-то, а движение общественного транспорта по расписанию здорово наладилось за последние годы. А все говорят, что стабильности нет. Врут!

Устроившись у окна, достаю блокнот и ручку. У меня часто бывает так, что четверостишия сами складываются в голове, будто кто-то стоит рядом и нашептывает их мне на ухо. Мне же остается лишь успевать записывать. Это может продолжаться часами. Позже, перечитывая написанное, я удивляюсь. Думаю, что, если бы мои вирши прочитал кто-нибудь еще, его бы

удивлению вообще предела не было. Ну да ладно. Сейчас вот тоже накатило, рука застрочила по листам:

Дело в днях минувших лет...
Там был, творил и возводил.
Бывало время – созерцал...
Но что потом? Вопрос хороший.

Прогулки с девочкой под ручку.
Кино, попкорн и мимолетные гляделки,
Печальный вечер на аллее.
Под свет гирлянд и фонарей

Отвел до дома
И получил прощальный от нее подарок —
Воздушный в щечку поцелуй...
Сидел я тихо, весь в себе.
Молчал, скучал и думал о тебе.

Не думать не могу и думать я устал...
И как мне быть – не знаю я.

Знаю, не Пушкин, но Пушкины рождаются раз в столетие, да и то не в каждое. А в то столетие, в конце которого родился я, родились Евтушенко и Старшинов, Высоцкий и Башлачев, на нас просто таланта уже не осталось, и так перебор. Поэтому я пишу для души. Наверное... может быть. Как вы сказали? Больное тщеславие? Шекспиры! Ничего, придет время, и я доработаю свои стихи, вот тогда и посмотрим!

– Остановка «Ломоносова», – прохрипел динамик.

Вот я и приехал, сто метров – и я в больнице. Правда, нужно еще пройти эти сто метров – улица очень оживленная, придется потолкаться. Люди, люди, люди... Блин, их больше, чем мух над рыбным прилавком в жаркий день. Слишком много. Не люблю толкучку. Свернув за угол пятиэтажки, я словно переживаю дежавю – на этих улицах прошло все мое детство. Я обязательно расскажу вам кое-что из него, но чуть позже, – сейчас я на работу иду устраиваться. Ноги не хотят, а надо. Пройдя еще пару десятков метров, я выхожу к лесу – здесь он вплотную подходит к жилому массиву. Вообще это часть большого ленточного бора, просто ландшафтные дизайнеры отрезали его от основной части бора кварталами новостроек с одной стороны и дорогой, ведущей к новой краевой больнице, с другой, и получился этакий городской лес. Должен признать, что дизайнеры были гениальными... ну, или безумными, хотя одно от другого мало чем отличается и по отдельности в природе встречается редко. Правда, есть и третий вариант – возможно, у них просто было своеобразное чувство юмора, недоступное для понимания среднестатистического городского обывателя, – такое в природе встречается намного чаще. Дело в том, что именно на территории городского леса оказался заброшенный скотомогильник. Да, да, вы не ослышались – ско-то-мо-гиль-ник! Как вам это нравится? Кайфуйте, больные и выздоравливающие, вам ведь так необходим свежий воздух! Скотомогильник старый, но желтые кости разного калибра до сих пор валяются в этой огромной яме. «Интересно, есть ли среди них человеческие?» – вдруг пришло мне на ум. Я думаю, что есть, только кому интересно то, что думаю я? Вот и я об этом же, ведь никому другому такие мысли в голову не приходят. Или все-таки приходят?

Как по мне, так это место идеально подходит для съемок фильма ужасов. Думаю, что Хичкок бы описался от радости, увидь он такой «ландшафтный дизайн», а может, и... Ладно, обойдемся без пошлости. Для Пеннивайза Стивена Кинга лучших декораций уж точно не придумаешь. Вот ему было бы раздолье – бегать по этому лесу, наводя ужас на редких прохожих, а маленьких деток кушать прямо в этой яме, полной костей. Кстати, забыл упомянуть еще одну немаловажную деталь – в этом городском лесу нет прямых деревьев. Ни одного! Они все причудливой формы, будто родились в каких-то диких корчах да так и не смогли выпрямиться. Нет, Хичкок бы точно кончил! Ну вот, без пошлости не обошлось...

Неплохо было бы узнать имена ландшафтных дизайнеров – с первого выигрыша я бы не поскупился и заказал памятные дощечки, потомки должны знать своих гениев! Ну... или безумцев...

Пройдя это подобие городского озеленения, выхожу к десятиэтажному зданию новой краевой больницы. Вот здесь все чин чинарем: пешеходные дорожки, выложенные тротуарной плиткой, газончики, скамейки, фонари, даже фонтан. Правда, его забыли пустить, но ничего страшного, есть над чем работать. Все чистенько, аккуратненько, глаз радуется. Перед главным входом огромный валун с нечитаемой табличкой. Прежде чем переступить порог, я говорю себе:

– Добро пожаловать в ад!

Нет, я не совсем законченный пессимист и когда-то даже верил в Деда Мороза, но вот что-то пришло на ум. Предчувствие? Навряд ли, скорее, пристрастие к красивым фразам. Знать бы еще, когда их уместно употреблять, да? Но мне скоро всего лишь восемнадцать, и фильмы Федерико Феллини я еще не успел посмотреть, а хочется ведь, чтобы все в жизни было красиво, не правда ли? Так что, не судите строго. Все, как всегда: сами придумываем – сами верим.

У меня есть ритуал, который я проделываю, когда мне предстоит войти в помещение, в котором находится много людей, а тем более если мне необходимо будет с ними общаться. Перед тем как переступить порог школы, я всегда его провожу. Редко помогало, но... В общем, суть ритуала состоит в том, что я напускаю на себя серьезный вид. Не понимаете? По своей натуре я очень добрый человек. Ну, вы помните, большое сердце, все дела. Ну вот, а показаться при этом хочу злым. Блин, все уже про себя выболтал... Хочется, чтобы тебя воспринимали как серьезного человека, а когда ты добряк в душе, да к тому же лошара полный, рассчитывать на это не приходится, вот я и придумал этот ритуал и пытаюсь делать серьезное лицо. Теперь поняли? Катим дальше.

Делаю морду «тяпкой» и захожу в вестибюль.

– Молодой человек! Вы куда пошли?

Вот так вот, слона-то я и не заметил – ко мне двигается этакий телепузик в форме охранника. Окинув взглядом эту забавную фигуру в виде сильно увеличенной капельки, отвечаю:

– Мне в отдел кадров нужно, меня там ждут, – лицо серьезное, классика жанра.

– Вы пришли трудоустроиваться? – вполне серьезно интересуется эта жертва бургерной диеты.

Он так серьезен, что меня подмывает поинтересоваться, неужели у них в отделе кадров можно еще и в боулинг катануть? Стоп! Спокойствие, Антон! Ты же серьезная личность. Сука! Серьезные личности не устраиваются на работу убирать какашки! Зачем он напомнил мне о какашках? Или это я сам? Вдох-выдох, вдох-выдох.

– Да, – просто отвечаю я.

– У вас есть документы? Паспорт?

– Да, – я краток и лаконичен.

Полистав паспорт, он возвращает его мне.

– Подождите тут, я сейчас в кадры позвоню.

Я смотрю на спину охранника, удаляющегося походкой грациозного гиппопотама, и мне становится искренне жаль его жену. По моим наблюдениям, еще не обремененным большим жизненным опытом, но все же, как я считаю, верным, жены у таких вот жиртрестов всегда маленькие, хрупкие, почти воздушные создания. И наоборот, у основательных женщин, ну, у тех, которые коней на скаку останавливают и работают шпалоукладчицами на железной дороге, мужа словно сухостой. Видимо, в этом вопросе подобное к подобному не тянется...

Детский плач ввинчивается в мозг, прервав мои глубокомысленные размышления по поводу несправедливого распределения живой массы тел в семейных парах. Не выношу, когда плачут дети, сразу хочется заткнуть уши. Оглядываю вестибюль – девочка, лет пяти, стоит у автомата со сладостями и, жалобно хныча, просит маму купить ей конфетку. Мама пытается тихо объяснить девочке, что у них нет лишних денег и она не может купить «ляльку». Женщине крайне неловко, она смущена, а девочка продолжает плакать. Хочется провалиться сквозь землю, лишь бы не слушать и не видеть этого.

«Господи! Успокой эту малютку!» – мысленно взываю я к небесам и, достав из кармана пятидесятирублевую купюру, подхожу к этому ящику со спрятанными в его недрах вкусняшками. Что у нас тут имеется? Так, конфеты, жвачка, гематоген. Нажимаю кнопку под гематогеном – аппарат съедает купюру и выплевывает два батончика. Опускаюсь на корточки перед девочкой, она завороченно смотрит на батончики в моей руке. Женщина тоже смотрит на меня. Две пары женских глаз абсолютно разного возраста. Одни успели повидать в этой жизни очень многое, вторые не видели еще ничего, но в этот момент в них одинаковое выражение – удивление с ожиданием продолжения.

– Все в порядке, я здесь работаю, – это маме.

Женщина молчит, лишь одобрительно кивает и осторожно улыбается.

– Привет, солнышко! – это уже девочке. – Не плачь. Смотри – лялька, – я протягиваю ей батончики.

В голове у девочки происходит борьба: взять или нет? Дядя чужой – нельзя... Лялька вкусная – зя! зя! зя! Следы этой борьбы так явно отражаются на заплаканном личике, что впору самому заплакать, и у меня слезы начинают наворачиваться на глаза. Мама приходит на выручку:

– Возьми.

Барьер сломлен! Улыбка счастья озаряет личико, малышка берет батончики и легонько прыгает на меня, обнимая за шею своими маленькими ручонками.

– Спасибо, дядя. Ты хороший, – щебечет она.

Вот так конфеты делают чудо! Ты всегда будешь хорошим, если у тебя есть деньги, – и для друзей, и для маленьких девочек. Не подумайте, что я совсем уж полено бесчувственное, просто как-то так складывается в жизни.

В горле стоит ком, который я все никак не могу проглотить.

– Обращайся, – выдавливаю я. – Ну все, все, пусти, а то как-то даже неудобно.

Девочка выпускает меня из объятий и прыгающей походкой скачет к выходу. Жизнь удалась! Чудодейственная магия женских слез. Даже если женщина совсем еще девочка.

– Спасибо, – тихо говорит мать девочки. – Вы в каком отделении работаете? Я тоже здесь работаю и на следующей неделе занесу вам деньги... Просто сегодня так получилось...

– Вы что?! Забудьте, – я смотрю на нее снизу вверх, продолжая сидеть на корточках.

– Ну, тогда, еще раз спасибо, – легкая улыбка трогает ее губы, она разворачивается и уходит вслед за девочкой.

В груди что-то кольнуло, улыбка женщины все еще стоит перед глазами. Встав с корточек, я возвращаюсь ко входу. Колобок в форменной одежде охранника уже там и вертит головой,

видимо, высматривая меня. То есть, вертится-то он весь, а меня замечает лишь тогда, когда я уже стою перед ним.

– Я же сказал – быть тут! Ты куда убежал? – возмущается он и мне кажется, что он вполне серьезно подозревает, что за время его отсутствия я все же успел смотаться в Афганистан и теперь пытаюсь незаконным способом доставить на вверенный его охране объект килограммовый пакет гашиша, туго перетянутый скотчем и надежно спрятанный в моей попе.

– Курил, – невозмутимо играя роль прокаженного контрабандиста, отвечаю я. – Так что там с кадрами?

Еще раз окинув меня подозрительным взглядом и, видимо, приняв волевое решение не подвергать меня полному досмотру, он сдается:

– Тебя ждут. Поднимайся на второй этаж, по левой стороне коридора увидишь дверь с табличкой «Отдел кадров», спросишь Михайловну.

Ага, значит, гарант моего успешного вливания в местный коллектив зовут Михайловна. Ну а что, емко и солидно.

Иногда мне представляется, что наша планета – это и есть ад. Слишком много ассоциаций с этим словом, да? Я имею в виду, у меня. Ау! Мой личный психотерапевт! Я обязательно забегу на следующей неделе! Шучу, нет у меня денег на личного психотерапевта. О чем это я? Ад... Да, ну где еще можно было встретить такое количество всевозможных страданий, как будто специально созданных для человека? В детстве, когда очень хочется спать, тебе нужно вставать и идти в школу. Повзрослев, необходимо просыпаться на работу... Ну почему нельзя сделать рабочий день часиков с десяти? Или с одиннадцати? Люди будут высыпаться, и времени у них на все будет хватать. Кстати, и на секс с супругами тоже. Глядишь, и количество разводов сократится. Подумайте об этом! И не благодарите меня – пользуйтесь на здоровье. Снова я куда-то не в ту степь забрел. Отматываем. Так вот, становясь еще старше, нужно вставать еще раньше, чтобы успеть приготовить завтрак тем, кому в школу, и тем, кому на работу... Мы проживаем жизнь, стараясь оправдать чьи-то ожидания, да и сами все чего-то ждем от других людей. Не задумывались?

Я вообще к чему: лестницы – это одно из самых страшных земных страданий, придуманное людьми для самих себя. Ненавижу лестницы. Повезло, что на второй этаж. Мне начинает казаться, что удача – мое второе имя. В общем, я двигаюсь на поиски Михайловны.

Мимо ходят медсестры, санитары, врачи. Чистенькие, беленькие, накрахмаленные. Движение интенсивное, броуновское. Изредка ловлю на себе приветливые улыбки, и это несколько настораживает. Со мной что-то не так? У меня зеленое лицо? Или уши как у эльфа? Блин, чуть инвалидной коляской не сбили. Так, собрался! А вот и искомая табличка. Постучавшись, толкаю дверь и делаю шаг в кабинет.

– Здравствуйте! Не подскажете, где я могу найти Михайловну? – выпаливаю я на одном дыхании и чувствую, что заискивающая улыбочка растянула мой рот чуть ли не до ушей. Тьфу! Откуда она взялась? Рефлекс? Нужно будет поработать над этим, а то все ритуалы медным тазом накроются. Прав был Моисей – минимум сорок лет требуется для того, чтобы истребить и выветрить рабскую психологию, а после крушения Союза всего лишь двадцать прошло, прошлое дает о себе знать, оно еще в наших генах, неуютно мы себя в кабинетах чувствуем, какими бы эти кабинеты не были...

В помещении четыре стола, за столом четыре женщины. Переглянулись. Ну уж нет, я просто так не дамся! Я... Я... Да я...

– А вы, собственно, кто? – интересуется ярко-накрашенная шатенка, сидящая за ближайшим столом.

Язык прилип к небу. Что за чертовщина? С трудом отлепляю:

– Я – внук Архиповны. Пришел на работу устраиваться.

– А-а, так вы, значит, Антон Владимирович?! Идите сюда, – сидящая за дальним столом симпатичная блондинка предбальзаковского возраста приветливо машет мне рукой.

Так вот ты какая, Михайловна! Два метра спустя я стою у ее стола.

– Здравствуй, Антон! Михайловна – это я. Ты документы принес? – голос милый, улыбка чарующая.

Уф-ф, спокойствие, только спокойствие! Она – Михайловна! Я – Антон. Субординация! У меня хоть имя есть, у нее уже нет.

Молча достаю из сумки документы и протягиваю ей. Пять минут щелканья по клавиатуре компьютера, манипуляций со сканером, и копии моих документов готовы. Оригиналы белокурая вершительница моей судьбы... Стоп, стоп, стоп! Что я несу? Какая вершительница судьбы? Извините, видимо, шок.

В общем, Михайловна улыбается и протягивает мне документы:

– Ну, вот и все. Трудовая и санитарная остаются у нас. К работе приступишь в понедельник. Отделение – «Гематология», должность – санитар. Ну, а дальше все в твоих руках, – звучит это так, словно она только что посвятила меня в рыцари круглого стола. По крайней мере, у нее это выходит именно так.

Я стою в некоторой растерянности. Что, так просто? А... Чего ты мелешь – какое «просто»?! Ноги бы успеть унести, пока холмик на штанах не образовался, я ведь чувствую, что кровоток внизу живота увеличивается с каждой секундой. Но чертовы лестницы не дают мне покоя, и я ничего не могу с собой поделать:

– А на каком этаже это отделение?

– На девятом, – с обворожительной улыбкой Михайловна вбивает кол в мое сердце.

По ощущениям – не только в сердце. Да не подумайте вы всякую фигню! Просто чувство такое, что колов много и все они в моей груди, а душа тихо сочится из ран... Стоп! Не время для лирики.

В общем, все, гасите свет! Всегда догадывался, что женщинам нельзя доверять. Удача отвернулась и ушла, покачивая бедрами...

Я в ауте! Полном! Так, стоп! Ахтунг! Это что же получается? Если вдруг, по невероятному стечению обстоятельств, сломаются все лифты, да или просто отключат электричество, то мне придется страдать, спускаясь и поднимаясь пешком? На девятый этаж? Даже не зная точную иерархию данного учреждения, не трудно догадаться, что санитар – это, мягко выражаясь, мальчик на побегушках, а значит... Нет. Нет! Нет!! Нельзя пускать такие мысли в голову. Лифты, они ведь как общественный транспорт – фирменный знак стабильности в нашей стране, да? Точняк...

Возможно, заниматься подобным аутотренингом и полезно, но на эрекции это точно плохо сказывается – кровоток замедлился мгновенно, и бугорок спал, не превратившись в холмик. Как там говорится, ну, когда несчастье помогло? В общем, это был именно тот случай.

Спускаясь по лестнице, я уговаривал себя: «Могло быть и хуже». Ну да, куда уж... Девятый этаж!

II

- Ма, меня приняли, – особой радости в моем голосе не было.
- Очень хорошо. В воскресенье я приготовлю твою любимую курочку.
- Здорово...
- Почему ты грустный?

Видимо, мысли о девятом этаже и обесточенных лифтах нашли выход в моей интонации, и мама это почувствовала. Она вообще человек чуткий.

- Не грустный я, просто думаю.
- Может, заедешь к нам?
- Нет, не сегодня. Нужно еще с ребятами увидеться.
- Антон, – голос мамы моментально стал строгим, это она тоже умеет. – Веди себя прилично.

Она у меня помешана на приличиях. Взрослый человек, а не видит, что в мире давно уже все перевернулось с ног на голову и быть приличным в наше время в том смысле, который она вкладывает в это слово, совсем уж неприлично. Но пусть лучше не замечает этого.

- Хорошо, ма. Пока, – я отключился и сбежал по ступенькам крыльца.

Надо бы отметить это знаковое событие – как-никак первая настоящая работа, взрослая жизнь. Мы что-то теряем в детстве... На пороге взрослой жизни мы оставляем детское отношение к ней, способность воспринимать окружающий мир таким, каким он видится нам тогда, когда мы еще дети, пусть и с наивными, но не искаженными ценностями. Мы совсем еще ничего не знаем о нем, но душой чувствуем, как удивителен и прекрасен мир, в котором нам посчастливилось родиться, и, просыпаясь, улыбкой приветствуем его. С течением лет утренние улыбки все реже появляются у нас на лицах, пока совсем не сходят на нет. Согласитесь, навряд ли вам в голову придет улыбаться, если вы знаете, что впереди вам предстоит весь день мыть полы и убирать какашки. Опять же, у каждого свои приоритеты. Кто-то ведь смеется и над анекдотами о Рабиновиче, хотя что в них смешного? В них соль жизни.

В руке запиликал телефон, на экране высветилось «Артем». Я нажал на прием.

- Тоха, привет! – жизнерадостно заорал динамик. – Ну что, принес клятву Гиппократа?

– Привет, Тем. Рано еще клятву приносить. Это в институте делают, а я пока только на работу устроился.

– Э, нет, братец. Если уж ты решил посвятить свою жизнь спасению жизней других людей, то привыкай обходиться без этих никчемных уловок.

- Ну, бывает ведь так, что без уловок чужую жизнь и не спасти.
- Да, возможно, в этом ты прав, – рассмеялся Артем.
- Ты где?

– Среди будущих господ мира, примеряющих на себя одежды благородных ариев. Правда, на этот раз господа – русские.

Я поморщился – порой Артема невозможно слушать, так как проследить ход его мыслей было практически нереально, слишком уж они образные.

- А проще можешь сказать?

– Эх ты, наивное дитя, рожденное на развалинах великой империи... Могу и проще. Старое здание университета знаешь?

- На Социалистическом?

– В точку! Второй этаж. Только поторопись, а то они у меня уже в печенке сидят, эти господа. Боюсь, могу не сдержаться и поколотить их. Всем скопом!

- Держись, я скоро, – я отключился и улыбнулся.

Что-что, а поколотить Артем мог. Причем действительно, как он выразился, «всем скопом» – количество противников для него принципиального значения не имело.

Артем Тахиров, в студенческой среде больше известный как Жижа (не спрашивайте, я не знаю, откуда взялось это прозвище, а спрашивать у Артема мне не приходило в голову), росту имел сто девяносто шесть сантиметров и весил при этом сто двадцать килограммов, из которых жира не было ни грамма, сплошные бугры мышц. Широкие скулы, чуть раскосые глаза – все, как и положено у чистокровных казахов. В девяностые его семья по каким-то причинам, о которых он не любил распространяться, перебралась в наш город и осталась на ПМЖ. С казахской диаспорой семья отношения не поддерживала, да и та старалась держаться от них на расстоянии – родители Артема еще до получения гражданства приняли обряд крещения и перешли в православие, а сам он частенько расстегивал рубаху, гордо демонстрируя алюминиевый крестик на могучей груди, говоря при этом, что он русский в душе. По его мнению, это значило намного больше всех расовых предрассудков, вместе взятых. Реальней всего было бы предположить, что с такими физическими данными он без проблем найдет работу фитнес-тренера в любом из дорогих оздоровительных центров, выросших за последние годы в нашем городе, как грибы, но неожиданно для всех он поступил на филфак пединститута и уже три года учился там на отлично. Он был старше меня на два года, и у нас порой совершенно не совпадали взгляды на какие-то вещи, но, несмотря на это, мы как-то очень быстро сдружились с ним. Вообще, он был суперкомпанейским парнем – не принадлежа ни к одной из многочисленных современных молодежных субкультур, он был вхож во все. Причем, везде его принимали за своего. Девчонки по нему с ума сходили. Говорят, что хорошего человека должно быть много. Это точно про Артема. У него и характер был золотой (и не потому, что тяжелый – просто добродушней и благожелательней человека я не встречал). Да, он мог поколотить, но это нужно было заслужить.

Старое здание университета представляло собой унылую серую коробку в три этажа, сложенную из бетонных плит еще в эпоху недоразвитого социализма. Лет двадцать назад университет переехал в просторные современные корпуса на проспекте Ленина, и с тех пор здание использовалось по-разному. Говорят, в девяностые в его стенах процветала дискотека «Алиби», позже закрытая ввиду подозрительно большого количества неестественных смертей. Причем, по необъяснимому стечению обстоятельств смерти эти всегда случались в момент звучания композиции Кая Метова «Позишен намбер ту». Как мне кажется, это странное стечение обстоятельств уже само по себе должно было вызвать вопрос у компетентных органов: а имеет ли здесь место быть криминальная подоплека, или же это что-то из разряда неподдающегося рациональному мышлению и пора вызывать экстрасенсов? Думаю, можно было на некоторое время запретить звучание данной композиции и посмотреть, не прекратятся ли смерти сами собой, но рисковать не стали – закрыли дискотеку. Затем в здании разместилось шикарное казино «Золото Партии». Именно так – слово «Партия» писалось с большой буквы. Но и оно просуществовало недолго. Нет-нет, случавшиеся самоубийства неудачливых игроков в этот раз никакого отношения к закрытию казино не имели – они уже давно считались неотъемлемой и неизбежной составляющей этого бизнеса, и на них никто не обращал внимания, кроме родственников самоубийц. Причиной же закрытия стал закон об организации специальных «игровых зон», где разрешались азартные игры, а все остальные заведения, находящиеся за пределами территории этих «зон», объявлялись вне закона. Дольше всех в стенах старого университета просуществовал фонд помощи осужденным «Жена»... Что хотели сказать этим названием основатели фонда, не совсем понятно, сами же они на эту тему не распространялись – не принято это в их среде. Фонд проработал лет пять, не меньше, а потом то ли осужденным совсем уж не нужна стала помощь, то ли еще по какой причине, но он благополучно прекратил свое существование, а его председатель, по слухам, неплохо себя чувствует в Аргентине.

Активы фонда исчезли вместе с ним... Что же находится в настоящее время в здании, я вообще понятия не имел.

Поднявшись на второй этаж и шагнув в зал, я остановился. В глазах зарябило от обилия камуфляжной одежды. В нее были одеты практически все находящиеся в зале.

– Тоха! Топа! сюда! – перекрывая гул голосов, проорал Артем, махая мне рукой.

Он сидел за одним из трех столиков в центре зала в компании бледного юноши с узким лицом, одетого в камуфляж, и симпатичной блондинки в кокетливых шортиках из «лягушки» и камуфлированной майке-сеточке, поверх которой была накинута «раздатка» песочного цвета со множеством карманов и кармашков, которая, однако, нисколько не скрывала того, что девушка прекрасно себя чувствует не только без дешевого нижнего белья, но и без дорогого тоже.

Зал сам по себе огромен, а вот мебелировки явно маловато – кроме упомянутых трех столов в центре, вдоль окон были сдвинуты старые школьные парты, покрытые белыми простынями. На них стояло неимоверное количество бутылок водки и стаканы. Блюд с закусками я не увидел. В дальнем левом углу зала была поставлена большая армейская палатка. Я так и не понял, как она крепилась, но, судя по тому, что в нее заходили и затем выходили из нее парни в камуфляже, она являлась не просто бутафорским атрибутом, а выполняла какую-то функцию. Пробравшись между групп молодых людей, стоявших со стаканами в руках и что-то обсуждающих, я добрался до столика, за которым сидел Артем, повесил сумку на пустой стул и сам опустился на него.

– Штрафную будущему спасителю человеческих жизней! – Артем набулькал полный стакан водки и пододвинул его ко мне. Сам он уже был изрядно навеселе.

– Ты же знаешь... – я отодвинул стакан.

– Ах, да... Ну-у, пригубить все же надо, мой друг, надо! – он вновь пододвинул мне полный стакан, плеснул в свой и поднял его. – Антон, позволь представить тебе цвет нации. Сейчас тебе их имена еще ничего не скажут, но придет время, – он прищурил глаза и подмигнул юноше, – оно ведь придет, а?

Тот опустил глаза и промолчал.

– Ну-ну, оно обязательно придет, попомните мои слова. Да и ждать уже недолго осталось, для этого уже все сделали... Так вот, Антон, придет время, и имена этих молодых людей кровью впишутся в историю великой России!

– Артем, – юноша хотел еще что-то сказать, но махнул рукой.

– Дерьмо! – зло прошипела блондинка и, резко встав из-за стола, растворилась среди камуфляжей, блеснув напоследок аппетитными бедрами.

– Что такое?! – Артем сделал невинное лицо.

Я прыснул со смеха.

– Ты слишком многое себе позволяешь! – узкий подбородок юноши взлетел вверх, а лицо, казалось, побледнело еще больше.

– В корне не согласен, – Артем опрокинул в себя содержимое стакана и обвел рукой зал. – В подобном обществе невозможно позволить себе слишком многого. Все, что я мог бы себе позволить, для них будет слишком мало. Я бы даже сказал, ничтожно мало. – он вновь набулькал себе стакан.

– Ты занимаешься словоблудием...

– Я?! Это я-то занимаюсь словоблудием? – Артем выглядел искренне возмущенным. Он ткнул пальцем в дальний конец зала, где виднелось небольшое возвышение. – А кто из нас час назад вон с той трибуны с блеском в глазах и с пеной у рта уверял этих наивных юнцов в том, что пришло ваше время и вот-вот грядет господство русских ариев? Я?!

– Но время ариев действительно пришло! – не сдавался юноша.

– Великая Мара! Какие же вы твердолобые. Ты сам-то веришь в то, что говоришь? И с чего ты вообще решил, что русская ветвь цивилизации имеет какое-то отношение к легендарным ариям?

– Все исторические источники указывают на это!

Я видел, что Артем просто потешается, слишком хорошо он был начитан, чтобы видеть в бледном юноше достойного соперника в споре на подобные темы. Я не понимал, как его вообще сюда занесло. А он тем временем втягивал юношу в такой омут, из которого тому самостоятельно уже точно было не выбраться.

– Насколько мне известно, современная официальная наука, в том числе и история, славянской ветви цивилизации отводит, мягко выражаясь, второстепенную роль в формировании современного общества, тем более во влиянии на геополитику в планетарном масштабе. А уж о русских и говорить нечего. Ты ведь не глупый и сам знаешь, что весь цивилизованный мир считает вас зарвавшимися варварами, ни на что, кроме как писать душещипательные стишки да пить горькую, не способными. – Артем залпом осушил стакан и вновь наполнил его.

– Ты знаешь, что это подтасовка исторических фактов! Русский след сейчас обнаруживается везде! Даже в Америке! – с вызовом сказал юноша.

– Да, знаю, – Артем грустно посмотрел на него. – Но, видишь ли, я также знаю и то, что история развивается по спирали, а значит, повторяется. Кто только не примерял образ ариев на себя – викинги, италики, последними были германцы... Теперь вот вы. Не удивлюсь, если через десяток лет какой-нибудь продвинутый папуас из Новой Гвинеи, незаконнорожденный сын вождя племени Тумба-Юмба, вдруг ощутит себя прямым потомком Нибелунгов, да еще искренне поверит в это, а? Почему нет? Бастарды, они ведь склонны к таким штучкам. Вы же себя считаете потомками ариев.

– Это уже слишком! – юноша хотел встать, но Артем удержал его за руку, и тот остался на месте.

– Почему ты бежишь от полемики?

– Это не полемика...

– Потому что единственно верное мнение – это твое, да? Малыш, но так уже ведь не будет. Ты сам прекрасно понимаешь, пустое это все – раса господ и прочая подобная мура... Разве история вас ничему не учит?

– Но духовное возрождение мира начнется именно с России!

– Во-от! Вот, Кирилл! Ду-хов-но-е! Понимаешь разницу: духовное и то, что вы пытаетесь навязать? Вахту с баней перепутать несложно, только помыться там не удастся.

– Мы – высокодуховная нация! – совсем уж лозунгами заговорил юноша.

– Не отрицаю, только попрошу не забывать о том, что фанатизм разъедает не только мозг, но и душу.

– Что здесь происходит? – возле нашего столика стоял голубоглазый блондин в наглухо застегнутом камуфляже, статью не уступающий Артему.

Из-за его спины выглядывала блондинка, не имеющая представления о приличиях. Юноша подскочил и вытянулся по стойке смирно.

– А-а, Таракан... Привет, – Артем вяло махнул рукой.

Белокурый великан опустился на стул, который до этого занимал бледный юноша. Того вместе с блондинкой как ветром сдуло.

– Дисциплину разлагаешь? – Таракан в упор смотрел на Артема.

– Ага, у тебя разложишь, – кисло улыбнулся тот.

– По крайней мере, у тебя получается. Мне один тут, знаешь, что на днях выдал?

– Что? – Артем с интересом посмотрел на Таракана.

– Что Вторую мировую выиграли евреи, – блондин даже не улыбнулся.

Артем так и покатился со смеху. Затем отхлебнул из стакана и прямо посмотрел на Таракана.

– И в чем же неправ отрок, додумавшийся до этого?

– В том, что так не только говорить, так думать нельзя. Еврейство выполнило свою историческую роль, и пора о нем забыть.

– Не получится, Таракан.

– Почему?

– Потому что это будет ошибкой, а второй раз ошибиться нельзя. Никогда еще побежденные не чувствовали себя так уверенно на земле победителей. Это – во-первых, ну а во-вторых – для выполнения того, что ты подразумеваешь под «исторической ролью» еврейства, потребовалось залить людской кровью полмира, а осознание этого приходит только сейчас, сто лет спустя. Не все так просто, как бы вам хотелось. Думаю, голем не разрушен окончательно, а потомки Бецалеля еще отыщут священный шлем, и потому забывать о них никак нельзя.

– Тех, кто это понимает, мало. Улавливаешь?

– В общем, ты хочешь сказать, что не желаешь больше видеть меня среди своих сторонников?

– Так было бы лучше.

– Интересно, для кого?

Таракан ничего не ответил, встал и проследовал в дальний конец зала, где была установлена палатка.

Тучи разбрелись по небу, и выглянуло солнце. Его робкие лучи струились в прозрачном воздухе, а достигнув магазинных витрин, переливались разноцветными бликами. На улицы высыпали толпы ярко одетых горожан, забурил живой водоворот бестолковой суеты. Под солнцем город выглядел уже совсем по-другому: он похорошел, принарядился и вроде даже приосанился, словно стареющий жених перед молодой невестой. Через поры в коже потихоньку заползало ощущение полноты жизни.

– Пойдем в «Пещеру»? – Артем глянул на меня.

Вид он имел несколько растерянный. Непривычно было видеть его таким.

– Пойдем, – я пожал плечами и кивнул головой в сторону старого здания университета, из которого мы вышли: – Что это было?

– А, «Русские арии», – Артем махнул рукой. – Пустозвонство одно. Единственный по-настоящему опасный человек среди них – Таракан. Остальные еще совсем дети, пытающиеся искать только чистое, светлое, доброе, да, как обычно, по наивности заблудившиеся в своих поисках. Одним словом, дети.

– Как тебя вообще туда занесло?

– Я уже две недели к ним присматриваюсь, – улыбнулся Артем.

– Зачем?

– Во-первых, у них пьют только водку. И ее у них много, – его улыбка стала шире. – Ну а во-вторых... Помнишь «Арарат»?

– Да...

Это было недели четыре назад, мы сидели в придорожном ресторанчике «Арарат». Воздух, казалось, пропитался ароматом цветущей сирени. Нас было шестеро – я, Артем, Саша-Флин, Костя-Грач, Наташа-Нат, Оксана-Рыжая. Сидели, трепались о том о сем. В общем, все как обычно. В самый разгар общения к нашему столику шаркающей походкой уставших от жизни аксакалов подошли трое парней. На аксакалов они не тянули точно, так как по возрасту были, скорее всего, нашими ровесниками, а вот от жизни, видимо, устали сильно. Весь их вид говорил: «Включите Круга – я сидел». Обычно так блатуют алкоголики, после того как вдоволь намахаются метлой на акциях «Чистый город» в период своей пятнадцатисуточной отсидки

в ИВС за какие-либо административные правонарушения. Вдобавок эти прикиды а-ля девятностые – широкие спортивные штаны, наполовину расстегнутые олимпийки и цветные мокасины. Нахально-быдловатое выражение на лицах. Угрожающего вида не придает, но неплохо подчеркивает некоторую недоразвитость и легкую степень слабоумия. Легкая степень – это я скромничаю, так как степень слабоумия у парней была далеко не легкая, а скорее тяжелая. Любой здравомыслящий человек или хотя бы просто неплохо ориентирующийся в пространстве, видя Жижу, не будет искать случая идти с ним на конфликт. А эти трое шли, причем напролом. Так что, возможно, степень слабоумия была критическая. А может, у них просто напрочь атрофировался инстинкт самосохранения. Не знаю. В общем, подваливают эти трое и открывают рты. Я имею в виду то, что они начали говорить. То есть говорил только один – высокий, прыщавый, да к тому же худой, как штапик. Если отбросить междометия, паузы и мат, то смысл сказанного им сводился к тому, что цвет кожи некоторых из нас смуглый, а потому нам здесь не место, но раз мы оказались на их территории, то должны платить за спокойную жизнь, и платить необходимо стабильно, раз в неделю. В принципе, это был прямой наезд на Жижу, так как найти монголоидные черты на лицах остальных пяти, присутствующих за нашим столиком, не смог бы ни один антрополог в мире, а о цвете кожи вообще говорить не приходится – лето еще даже не началось, и мы не успели загореть. Возможно, у парня, ко всему прочему, прогрессировал дальтонизм, но я все-таки склоняюсь к тому, что это был наезд на Артема. Он помрачнел, но пока молчал. Лично меня больше всего взбесило то, что это, оказывается, их территория! Сука! Егеря хреновы! Если честно, то они даже на недогопников не были похожи, а речь Штапика вообще смахивала на лекцию не понятно о чем. Причем лекцию от имбецильного любителя халявного пивасика, у которого к тому же прослеживается явное отвращение к работе, в принципе. Длилась лекция около десяти минут. Нужно отдать должное оратору – его словарный запас превышал лексикон Элочки-людоедки слов на десять, ну, от силы пятнадцать. Но все же – десять минут! Талант, однако. Закончив свой монолог, Штапик смачно сплюнул себе под ноги и уставился на нас, переводя взгляд с одного на другого. В воздухе повисла звенящая тишина. Грач, расстегнув пиджак и откинув одну полу, продемонстрировал наплечную кобуру с травматическим пистолетом. Не подействовало – стоят, пялятся. Тихо ругнувшись, Жижа сказал:

– Пацаны, мы просто отдыхаем, и проблемы нам ни к чему. Впрочем, и вам, наверное, тоже?

Это был их шанс, за который необходимо было хвататься двумя руками и, сохранив достоинство, убираться куда подальше. Они проигрывали во всем – в телосложении, в количестве... Но по воинственному виду Штапика было ясно – не поймет.

Пошевелив несколько секунд своими извилинами, так, что при желании можно было услышать скрип шестеренок в его мозгах, он процедил сквозь зубы:

– Выходите на улицу, там пообщаемся, – развернулся и зашаркал на выход.

Все-таки он был главшпаном этой небольшой гоп-компании – двое других последовали за ним, спинами выражая нам презрение.

– Какие мысли по этому поводу? – поинтересовался Флин.

– Не хочется их бить, щупленькие они какие-то, – Жижа пожал огромными плечами.

– Чем дольше мы будем высиживать, выжидая непонятно что, тем больше вероятность того, что, когда мы все же выйдем, нас будет ожидать уже целая орава таких вот парней. Они ведь только и могут, что кучей нападать. Когда их один на один вылавливаешь, то сразу становится ясно, что они никто и звать их никак. Шелуха быстро спадает, – Флин закурил и выпустил струю дыма в потолок.

– Надо просто выйти и объяснить им, кто есть кто в этом бренном мире, – Жижа вновь пожал плечами.

– Ты дурак? – не выдержал я. – Не будем мы первые драку начинать.

– Зачем сразу драку? Просто поговорим...

– А ты что предлагаешь? – взвился Грач, уставившись на меня. – Подставить левую щеку, когда тебя ударили по правой? Типа по заповеди? Так я тебе вот что скажу, эти ребята только язык силы понимают, другой им просто недоступен. Не знаю почему, но это так и есть. Может, мне кто-то объяснит причину? – он обвел всех взглядом.

– Ладно, что толку рассуждать. Давайте поступим следующим образом: мы выходим на улицу и встречаемся с этими парнями, а девчонки сразу идут на остановку и уезжают на первом подъехавшем автобусе. Ну а мы... пытаемся договориться с этими парнями, – объяснил свой план Флин.

– Тряпка мягкотелая, – выдохнул Грач.

– Сам такой. Упырь! – не остался в долгу Флин.

В общем, мы так и поступили. Выйдя на улицу, Наташа с Оксаной сразу пошли на остановку. У меня до последнего было предчувствие, что за ними кто-нибудь увяжется, но в этот раз моя интуиция меня подвела – «крутые» ребята в олимпийках решили не опускаться ниже плинтуса.

Мы реально хотели просто поговорить с этими гоблинами, но Штапик не предоставил нам ни одного шанса для этого. Подозреваю, он не учился в МГИМО, по крайней мере, переговорщик бы из него точно не вышел – даже что-то отдаленно напоминающее дипломатию в его словах трудно было найти:

– Ну что, хачи черножопые, валите с нашей земли или платите, – это были его первые слова, когда, убедившись в том, что за нашими девчонками никто не увязался, мы подошли к ним. Они же оказались и последними, так как о диалоге речь уже не шла. Я успел заметить, как удивленно вытянулся греческий профиль Грача, и закрыл глаза, услышав, как тихо выдохнул Жижа:

– Вот это зря. Сейчас я вам носы с затылками поцелую.

Ну зачем?! Он что, вообще больной, этот Штапик? Или бессмертный? Нет, видимо, инстинкт самосохранения у него действительно на нуле. На что он рассчитывал? Для меня это осталось загадкой.

Исход был очевиден с самого начала. Я, Грач и Флин просто стояли и глазели, как Жижа перемалывает этих дрищей одного за другим. Наше участие не потребовалось.

Минут через пять из ресторана выбежал охранник и крикнул:

– Я полицию вызвал!

Оставив на асфальте изрядно побитых парней, мы убежали, скрывшись в переулках частного сектора...

– Да, помню, – повторил я.

– Ну вот, хочу я того худого найти, – как-то странно улыбнулся Артем.

Сейчас он не казался уже потерянным, а выглядел уверенным и спокойными. Пьяни ни в одном глазу. Сколько же в него влазит? Я всегда поражался его способности пить невероятное количество водки и оставаться при этом в твердом уме. И даже немного завидовал этому его умению, на то у меня были свои причины. А еще я не мог понять, как он умудряется при столь обильных возлияниях поддерживать отличную спортивную форму.

– Ты его тогда неплохо отделал.

– В том-то и дело... Зря его побил.

Я остановился от неожиданности.

– Пошли, пошли, – Артем хлопнул меня по плечу, и я чуть не бегом побежал следующие два метра. – Помнишь, Костя говорил, что такие ребята понимают только язык силы?

Я согласно кивнул.

– Ну вот. Вроде бы мы и объяснили им на доступном для их понимания языке, да?

Я вновь кивнул, соглашаясь с ним. Мы вышли на центральную улицу и теперь шагали вдоль витрин дорогих бутиков, оккупировавших все первые этажи зданий на ней. Еще десять минут назад совсем робкое солнце теперь светило вовсю, щедро одаривая мир своим теплом.

– Но мы ведь, Антох, ничего не сделали для того, чтобы показать им, что существует и другой язык. Мы даже не пытались этого сделать, понимаешь?

– Нет, – честно ответил я, не понимая, куда он клонит.

– Мне кажется, что ответ на вопрос «почему они не понимают ничего, кроме силы?» нужно искать в их прошлом. Думаю, что в детстве они часто подвергались насилию и побоям. И не только со стороны ребят с улицы и одноклассников, но и родителей. К ним редко применяли чувство любви, понимаешь? Со временем они привыкли к побоям и другого отношения просто не знают.

– А может, они и не хотят его знать? – вставил я свои пять копеек. В принципе, я понимал то, о чем говорит Артем, и не просто понимал, но прочувствовал это на себе: я учился в четырех школах и, не обладая богатырским здоровьем, зачастую являлся объектом не только насмешек, но и побоев со стороны сверстников, но меня это ведь не озлобило. Правда, дома я не был обделен любовью.

Артем вроде как и не слышал мой выпад, продолжая рассуждать вслух:

– А вот если взять ребенка, побывавшего в подобной ситуации, и проявить к нему самую малую толику заботы, ласки и любви, и если ребенок почувствует это, то мне кажется, что он просто растеряется, потому что раньше он такого отношения к себе не видел и совершенно не знает, как к этому относиться и реагировать.

Артем замолчал, широко шагая по улице. Он возвышался над пестрой толпой, словно Гулливер в стране лилипутов, и мыслями, казалось, был где-то далеко от суеты повседневности, там, в бескрайних степях Казахстана, в своем детстве. Я больше не пытался вставить свои реплики, вдруг четко осознав, что совершенно не знаю идущего рядом со мной человека. В задумчивости я налетел на него. Он стоял, провожая взглядом влюбленную парочку, которая, взявшись за руки, медленно двигалась сквозь расступающуюся перед ними разноцветную толпу.

– Как думаешь, почему такое стало возможно в наши дни? – Артем перевел взгляд на меня.

Я растерянно хлопал глазами, не понимая, что он имеет в виду. Говорю же, у него мышление очень образное, понять вообще сложно.

– А-а, ну да! – он хлопнул себя по лбу и расхохотался. – Тоха! Это не влюбленные мальчик с девочкой, это мальчик плюс мальчик. Два мальчика, понимаешь?

Я вновь посмотрел на удаляющуюся парочку. Они отошли довольно далеко от нас, и рассмотреть их гендерную принадлежность уже не представлялось возможным. Толпа продолжала расступаться перед ними, словно боясь какой-то неведомой заразы, исходящей от этой пары и способной передаваться через прикосновение.

– Мальчики, – выдавил я из себя.

– Ты что, в первый раз геев увидел? Э, братец, да ты отстал от жизни! – Артем слегка хлопнул меня по плечу и на этот раз я устоял на месте. – Ну, так что скажешь? Почему это стало возможно в наши дни? Или вот это, – он развернул меня в сторону проезжей части и пальцем указал на молодого паренька,двигающегося какими-то странным зигзагами по аллее.

Паренек подходил к одной скамейке, неторопливо обходил ее, внимательно изучая землю под ногами, заглядывал в урну, стоящую возле скамейки, и переходил к следующей.

– Кто это?

– «Закладки» ищет, – махнул рукой Артем. – Современная разновидность халаявных наркоманов. Им бы в кружке по спортивному ориентированию заниматься. Уверен, многие достигли бы хороших результатов, – он двинулся дальше.

Мы уже почти дошли до «Пещеры».

Найдя свободный столик в конце зала, Артем плюхнулся на стул и обезоруживающе улыбнулся:

– Друг, я на мели.

На какое-то мгновение в его улыбке мне померещился оскал степного волка. Но разве я ожидал чего-то другого?

– Водки? – спросил я, ставя сумку на пол и усаживаясь на стул.

Улыбка Артема стала еще шире, он утвердительно кивнул. В принципе, я мог бы и не спрашивать, мне кажется, он вообще не питался, а только пил. Причем, как я уже говорил, всегда оставался в твердом уме, и я еще никогда не видел его по-настоящему пьяным.

Я мало разбираюсь в таких вещах, но мне кажется, что интерьер «Пещеры» был явно скудноват для тех цен, что значились в меню заведения. Хотя, что тут удивительного – система ценообразования сама по себе относится к категории чего-то таинственного и необъяснимого, покрытого завесой мрака, за которую не каждый аудитор-то может проникнуть, а потому искать какое-то рациональное начало в этой системе глупо априори. И все же интерьерчик, на мой взгляд, был скудноват: стены, покрытые неряшливо накиданной глиняной «шубой», монолитные бетонные колонны, изображающие сталактиты и сталагмиты, настенные светильники, декорированные под факелы, но дающие намного меньше света, чем если бы факелы были настоящие. В общем, мрачно и не очень-то уютно. Хорошо еще, что официантки не в набедренных повязках из грубо выделанных шкур, а в кокетливых белых фартучках и с приветливыми улыбками на лицах. Хотя кто знает, возможно, повязки принесли бы дополнительный доход. В принципе, «Пещера» пользовалась популярностью и без них. Вполне возможно, что это объяснялось тем, что располагалась она в подвале легендарного в нашем городе универмага «Под шпилем» и некогда здесь обитал не менее легендарный ресторан «Пицца», а еще раньше было бомбоубежище... Не знаю, но посетителей здесь всегда было полно. Вот и сейчас – середина дня, а почти все столики заняты.

Ослепительно улыбаясь, возле нас материализовалась официантка с грудью размера пятого. Я невольно уставился на огромные полушария, натянувшие тонкую ткань блузки с такой силой, что казалось, они вот-вот порвут ее.

– Что будем заказывать, мальчики? – голос тягучий и приторно-томный.

У меня моментально пересохло во рту. Что ж ты делаешь-то?! Я ведь сегодня не усну. Последнее время меня во сне и так постоянно преследуют две очаровательные тайки, неведомо каким способом пробравшиеся в мое подсознание. Правда, преследуют они меня почему-то вдали и от своей, и от моей родины – во влажных джунглях Амазонки. Я сильно-то и не убегаю... Теперь еще и вот это пышногрудое чудо присоединится к ним. Чувствую, она уже там, ждет меня... в набедренной повязке.

До слуха донесся грудной смех официантки и слова Артема:

– Уверен, мальчик бы с огромным удовольствием заказал тебя, Аллочка, но у него, к сожалению, пост. А мне, как обычно, графин «Беленькой» и... – он посмотрел на меня, – ты карьерный рост отмечать будешь?

Я молча кивнул.

– И бутылку «Туборга»!

– Джигит, – и вновь приторно-томная истома в голосе, – а у тебя поста нет? – Аллочка чуть наклонилась к Артему.

Ткань блузки оказалась качественной – груди не вываливались.

Мне казалось, что весь воздух вокруг насквозь пропитан сочащимся из ее пор желанием. Мне вдруг стало жарко и душно одновременно и почему-то захотелось, чтобы сейчас, вот в эту самую минуту, здесь оказалась моя мама...

Артем рассмеялся, обнажив два ряда белых ровных зубов.

– Я слишком грешен, чтобы соблюдать посты. А может, просто слишком люблю жизнь. Нет, Аллочка, у меня другой недостаток, – я временно не изменяю своим «мультяшкам».

Так Артем называл девчонок из движения анимешников, которые все, как одна, сходили по нему с ума и готовы были раздвинуть ноги по одному его взгляду. Если не ошибаюсь, девчонок в движении было сотни две. Подозреваю, что мы и пришли в «Пещеру», чтобы встретиться с кем-нибудь из них, так как заведение было их негласным местом сбора.

– Насколько временно? – Аллочка наклонилась чуть ниже, уже явно рискуя...

– Это мы обсудим позже.

Я видел, как рука Артема скользнула по бедру официантки. Плотноядно улыбнувшись, Аллочка отошла от нашего столика, вильнув тугой попкой, упакованной в кожаную юбку.

Мы сидели уже часа два, второй графин был пуст наполовину, а подмога в лице «мультяшек» все не появлялась. Артема всегда было интересно послушать, но соловья, как говорят, баснями не кормят, а кушать хотелось. Истратить последние деньги на мизерную порцию салата из крабов – единственное, на что их еще могло хватить в этом заведении, было нецелесообразно: и голодным останусь, и деньги кончатся. А так пару дней еще можно протянуть. Глядишь, в воскресенье предки что подкинут.

– Нас обокрали, Тоха! – Артем плеснул из графина в стакан и залпом выпил.

Я уже даже и не пытался угадать, что он имеет в виду, лишь согласно кивнул.

– Нагло! Цинично! Среди белого дня! – продолжал он гнуть свое.

Я вновь кивнул.

– И ведь ничего нельзя поделать, понимаешь?

– Конечно. Тут уже ничего не поделаешь.

– Ты не чувствуешь себя обворованным? – это уже звучало как обвинение.

– Нет, как раз я-то чувствую себя обворованным! – с жаром сказал я, понимая: мы говорим о совершенно разных вещах. Я-то знал, о чем говорю я, а вот что имеет в виду Артем, говоря о том, что нас обокрали, оставалось только догадываться.

Как же я хотел сейчас напиться! Нажраться до зеленых человечков, до поросычьего визга, или как там еще говорится? Упиться в хлам, хотя бы просто для того, чтобы не чувствовать себя обворованным. Но мне, к сожалению, нельзя пить. На то есть пара причин, и я обязательно вам о них расскажу, но чуть позже, хорошо? Просто то, что сказал Артем дальше, мне кажется, и послужило толчком ко всем последующим событиям. Во всяком случае, впоследствии я часто задумывался над тем, что тогда сказал Артем.

– Нашему поколению не досталось ни одной самой завалящей войны, ни одного серьезного военного конфликта, – он вновь набулькал в стакан из графина.

Услышанное было настолько неожиданно, что я удивленно взглянул на него:

– Разве в этом есть что-то плохое? Люди всегда мечтают о мире.

– Плохое? – переспросил Артем. – Нет, Антон, ничего плохого в мире нет, и люди действительно мечтают о нем всегда, здесь ты прав. А знаешь почему? Потому, что его у них никогда не было, только... Как бы это объяснить? Мы варимся в собственном соку... Никогда у нас так долго не было мира, а мы оказались не готовы к нему и потому чувствуем себя обворованными – нам кажется, что нас лишили возможности проявить героизм и отвагу, заложенные в наши гены воинственными предками. Вот предки бы знали, что делать с миром, а мы... Для нас он пустой звук. Мы все чего-то ждем. Но чего? Ожидание разъедает душу, а затем и растекает ее... Мы просто не знаем, что нам делать со свалившимся на нас богатством. Племя, одаренное миром, но не ведающее, как им распорядиться... Ожидание медленно убивает нас, мы мертвим – ржа, гниль, плесень человеческих пороков облепляют нас со всех сторон, и мы ничего не можем с этим поделать. Мы обесценили все, что можно и что нельзя, – любовь, дружбу, честь, но и этого нам мало. Мы просто не знаем, что нам делать, мы заблудились в

суррогатных ценностях, которые придумали сами, и заблудились окончательно. Теперь нам лишь осталось пуститься во все тяжкие, а мы этому и рады – мы начинаем верить в иллюзорные идеалы с принципами мыльных пузырей, кидаемся из крайности в крайность, в надежде хоть где-нибудь пригодиться... Мы оказались на задворках истории, Антон, – он вылил из графина остатки водки и залпом выпил. – Кто-то заучивает «Майн Кампф» и бреет затылки, кто-то прячется в грезах расширенного от наркотиков сознания, а кто-то, как те «мальчик плюс мальчик», помнишь? – Артем усмехнулся. – Эти вообще научились измерять счастье в сантиметрах... Оказалось, что для того, чтобы уничтожить нас, совершенно не нужны никакие войны – от них мы только закаляемся и крепчаем. Дайте нам просто долгие годы мира, и мы сами уничтожим себя. Порой хочется выйти на улицу, встать посреди дороги и крикнуть во все горло: «Люди! Остановитесь, люди! Что вы делаете? У вас есть то, о чем мечтали все поколения ваших предков, – мир! Сейте хлеб, рожайте детей, любите друг друга!», но кто услышит? А если и услышат... – он махнул рукой. – Мы, действительно, оказались на задворках истории, но самое печальное не в этом, а в том, что мы ведь и не знаем, кто мы вообще такие.

– Не понял, – и я действительно не понимал, что он имеет в виду.

– Ну, вот кто ты? – похоже, на этот раз Артем опьянел по-настоящему: мышцы лица ослабились, и сейчас оно больше напоминало резиновую маску, надетую на слишком маленькую примерочную болванку.

– Человек, – неуверенно сказал я.

– Да, да, примат, млекопитающее... Нам предлагают множество теорий происхождения человеческой расы, но ни одна из них не выдерживает серьезной критики. Несмотря на всю серьезность умозаключений ученых мужей по поводу научных изысканий в этом вопросе, несмотря на их убежденность в правоте своих теорий, которую они доказывают с трибун на своих симпозиумах и форумах, несмотря на все это, суть – кто мы? – ни на йоту не становится нам ближе, – он задумался и замолчал.

Если честно, то я еще не совсем уразумел то, что он говорил о племени, одаренном миром, но не ведающем, как распорядиться им, и все же постановка вопроса несколько обескураживала.

– А ты сам знаешь, кто ты? – не удержался я.

– Пока лишь только догадываюсь, – усмехнулся Артем. – Кстати, у Кости-Грача есть очень интересная теория на этот счет.

Я увидел, как от входа в нашу сторону двигаются две девчонки в ярких платьицах. Подмога подросла. Подойдя к нашему столику, девчонки сразу прыгнули к Артему на колени.

– А вот и мои «мультяшки», – Артем облапал их за талии, обмякшая резиновая маска, которую за секунду до этого представляло его лицо, разгладилась, губы растянулись в улыбке. И вновь хмеля ни в одном глазу! Нет, это реально уникальный тип! – Познакомьтесь, девоньки, это будущая гордость российской медицины – Антон. Это Анжела, а это...

– Мы знакомы, не правда ли? – огромные глаза светло-серого цвета смеясь смотрели на меня.

– Да, – выдавил я.

Эшли я знал очень давно, и она мне нравилась. Конечно, не так, чтобы раз и навсегда. Для этого Эшли явно не подходила, – понятия о приличиях у нее если и были, то очень туманные, а вот о морали понятия отсутствовали напрочь.

– Мой тебе совет, Тоха, прекращай поститься и найди себе женщину, – Артем крепче прижал девушек к себе. – По крайней мере, это на некоторое время позволяет забыть о многих неприятных вещах.

Было похоже на то, что его уже не очень-то мучает участь «обворованного» поколения.

– Это безнадежно, – фыркнула Эшли, прильнув к Артему.

На лице подошедшей Аллочки на этот раз улыбки не было, но зато были расстегнуты три верхние пуговицы блузки.

Я расплатился за два графина «Беленькой» и бутылку «Туборга» и, попрощавшись, пошел на выход. Ощущение обворованности на этот раз если и было, то я его почти не чувствовал – как-никак, а сегодняшней ночью во влажных джунглях Амазонки в компании двух очаровательных миниатюрных таек теперь меня ждала еще и пышногрудая Аллочка. Контрасты нужно уметь ценить.

III

В нашем городе много «шаурмичек» (или как они там называются?). По крайней мере я знаю штук тридцать. Огромный отток сельского населения в города, который наблюдается в последние десятилетия, продолжается и в наши дни, а это, согласитесь, не способствует развитию животноводства, в принципе. Поэтому достать качественное сырье для приготовления шаурмы владельцам этих точек не то, чтобы проблематично, а скорее хлопотно, что ли, да к тому же требует определенных затрат, поэтому они сильно этим не заморачиваются. В общем, если вам хоть иногда приходится питаться шаурмой, покупая ее на улице, но при этом вы не желаете стать невольным потребителем мяса бродячих кошек, летучих мышей и контрабандных ишаков (их переправка обходится владельцам «шаурмичек» намного дешевле, нежели закупка говядины у фермеров, да к тому же выгодна в разы – бедные животные являются лишь безголосыми участниками хорошо налаженного наркотрафика), мой вам совет: заведите доверительные приятельские отношения с продавцами этого продукта.

У меня такие отношения сложились в двух из тридцати известных «шаурмичек», поэтому, выйдя из «Пещеры», я поспешил к одной из них, благо находилась она в пяти минутах ходьбы.

Пятница, конец рабочего дня, а тут еще и солнышко решило побаловать своим теплом – народа на улицах заметно прибавилось. Перед глазами продолжала маячить Аллочка. То есть не вся она, а ее шикарная грудь. Она полностью захватила мое воображение, и оставалось надеяться на то, что она не изгонит из него так полюбившихся мне таек. Проталкиваясь сквозь возбужденное оживление уличной толпы, уже предвкушавшей все прелести почти наступивших выходных, я пытался думать о чем-то отвлеченном, ну, например о своей будущей работе и о том, как я вольюсь в коллектив, но все без толку – огромные, молочно-белые полушария с нежно-розовыми сосками затмевали все мысли. Когда она успела раздеться? Наверное, между площадью Октября и новым рынком...

– Кушай, дорогой! – Азамат протянул мне двадцатисантиметровый сверток лаваша, туго набитый вперемешку кусочками говядины, куриного мяса, помидоров, лука, зелени, приправленными каким-то чудесным, в меру острым и пряным соусом, рецепт которого знал он один.

Уверен, не многим выпадает шанс вкусить это поистине божественное кушанье – для этого Азамат должен быть твердо уверен, что вы хорошо разбираетесь в европейском футболе. Именно на этой почве у нас с ним и сложились приятельские отношения.

Я вонзил зубы в рулончик – м-м-м, первый кусочек, он самый вкусный. Ну и, конечно, последний.

– Чайку, дорогой? – Азамат хитро прищурил и без того узкие глаза.

Я утвердительно кивнул головой, промывчав что-то нечленораздельное, продолжая при этом пережевывать нечто удивительно вкусное у меня во рту.

Неведомо откуда в его руках появился большой серебристый термос и пиала. Налив душистый зеленый чай, он протянул пиалу мне. Я сделал глоток и вновь вгрызся в шаурму. Нет, все-таки Жижа не прав, счастье имеет свои размеры. И в сантиметрах тоже. Все дело в том, что ты в них измеряешь.

– Что думаешь, акхи? – Азамат вытащил из кармана сложенную таблицу чемпионата Европы по футболу и развернул ее.

– Испания, – безапелляционным тоном сказал я, даже не посмотрев на нее, и отхлебнул из пиалы.

Вообще-то я говорил уверенно лишь в двух случаях: когда был уверен в том, что говорю на триста пятьдесят процентов, и когда хотел кушать. Во все остальное время меня постоянно одолевали сомнения: «почему?», «а вдруг?», «может быть», в общем, вариантов тысячи и они

вечно копошились у меня в голове. Ну а сейчас мой безапелляционный тон объяснялся тем, что я кушать хотел, да и в то, что Испания станет чемпионом Европы, верил искренне. Ну а то, что кормил меня вкуснейшей шаурмой ярый поклонник сборной Испании, которому бы стоило родиться под жарким солнцем Каталонии и продавать свои шедевры на матчах «Эль-Класико», как вы понимаете, не имело абсолютно никакого влияния на мое мнение.

– Вай, вай! Пошему не Холандия? – в глазах Азамата блеснули хитринки.

Он хорошо говорил по-русски, этот хитрый узбек, а в футболе разбирался еще лучше.

– Ван Перси и Роббен, конечно, класс, но их всего двое. Есть неплохая полузащита и сносная оборона, но для чемпионства этого мало. Ты же сам понимаешь, сбалансированного состава у них нет, так что...

Азамат одобрительно кивал головой и цокал языком – он и сам все это прекрасно знал. Сейчас же он искал подтверждения своим прогнозам, а от меня хотел услышать лишь их аргументированное обоснование.

– Англия?

– Неудачники.

Он засмеялся, похлопал себя по бедрам, выражая восторг, а затем еще сильнее прищурил глаза, так, что остались одни щелочки.

– Немцы?

– Да, немцы, – задумчиво проговорил я, отправляя в рот последний кусочек двадцатисантиметрового счастья и запивая его ароматным чаем. – Серьезные ребята. Крепкие игроки во всех линиях, очень длинная скамейка. Да и выносливые, а? – я, улыбаясь, посмотрел на Азамата.

Тот озабоченно покачал головой и тяжело вздохнул, соглашаясь со мной. Являясь поклонником испанских «Красных дьяволов», настоящую угрозу для них он видел только со стороны немецкой сборной.

– Не в этот раз, Азамат. Может, позже, – я хлопнул его по плечу. – А пока только Испания! Его лицо разгладилось, насколько это было возможно.

– Ай, успокоил ты меня, акхи, успокоил, – он аккуратно свернул таблицу и убрал ее обратно в карман.

– Спасибо тебе, очень вкусно, – я протянул ему пиалу и вытащил деньги.

– Что ты! – замахал он руками. – Тебе спасибо, акхи.

Я спрятал деньги.

– Да, да, дьяволы, дьяволы... – Азамат улыбался и кивал головой. На какое-то время в его душе воцарился мир.

Все-таки неплохо разбираться в футболе, главное – знать, кому это еще интересно.

Стоило мне проглотить первый кусочек волшебной вкусной шаурмы Азамата, как груди Аллочки покинули мое воображение вместе с ней самой, растворившись в буйной зелени джунглей. Я лишь успел заметить, что кожаную юбку она почему-то еще не сняла. Видимо, не успела сделать себе набедренную повязку и сейчас направилась на поиски добычи. Бедные леопарды Амазонии...

В общем, сознание мое было чистое, я был сыт и, в принципе, счастлив тем сиюминутным счастьем, крупинцы которого разбросаны по всей нашей жизни и которые мы все пытаемся собрать в одно большое, не проходящее счастье. Тщетность этих попыток очевидна для всех, кроме нас самих, а потому мы вечно чувствуем себя несчастными. Маленькое счастье мы ценить не умеем, нам подавай сразу и много. Хорошо, что я еще пока не дожил до того возраста, когда единственное наслаждение получают лишь от ощущения себя несчастным. Хотя, человек в любом возрасте способен на это – потребность у него такая. А еще он всегда недоволен. Всегда! Когда тепло – ему плохо оттого, что тепло; когда холодно – ему плохо оттого, что

холодно; когда идет дождь – плохо, что дождь; когда снег... В общем, вы поняли, да? Человеку не угодишь. Мне кажется, что единственное место, где человеку по-настоящему кайфово и где он ни на что не жалуется, – это утроба матери. Но ведь это ничтожно малая часть нашей жизни! Все остальное время человеку плохо. Вот если открыть что-то наподобие аттракциона, в котором будут созданы все условия материнского лона, я думаю, он будет пользоваться бешеной популярностью, а владелец озолотится. Точно говорю! У меня на такие штучки чутье, так что возьмите на заметку, начинающие предприниматели. Я бы и сам заморочился, но мне просто некогда, нужно еще до «Рояля» прокатиться.

Я обещал вам рассказать о причинах, по которым мне нельзя пить. Ну, не то, чтобы уж совсем нельзя, но нежелательно. Вот этим и займусь, пока добираюсь до этого спортивного бара. Да, да, «Рояль» – это спортивный бар. Уж не знаю, что за странное чувство юмора было у человека, давшего ему такое название. Логика вообще мало в человеческой жизни, хотя многие думают иначе. Они просто забывают о том, что у каждого она своя. Так вот, о причинах...

Это было лет десять назад, мы еще жили в частном доме. В тот год отец сделал его перепланировку и провел газовое отопление. До этого мы топили печь углем и дровами, а тут – газ! Зажигать печь умели все... Ну, то есть самостоятельно я еще ни разу не зажигал, но со стороны много раз видел, как это делают родители, а потому вполне обоснованно, как мне казалось, считал, что тоже умею. Дело-то плевое: зажег спичку (спички еще такие необычные – длинные), просунул ее в отверстие и включил подачу газа. Именно в такой последовательности. Все просто, не правда ли? Ну вот, а я что говорю! Как-то утром мама спросила:

– Сынок, ты умеешь зажигать печь?

– Да! – не моргнув глазом, твердо ответил я.

– Тогда зажги, пожалуйста.

Преисполненный гордостью за столь большое доверие, оказанное мне мамой, я отнесся к заданию очень ответственно. Только я, как всегда, все перепутал. То есть алгоритм зажигания печи у меня несколько сбился, и вместо того, чтобы сначала зажечь спичку, а уже потом открыть подачу газа, я сначала открыл подачу, а уж потом свободной рукой начал зажигать спичку. Оказалось, что законы арифметики в таких случаях не работают – я имею в виду, что от перестановки слагаемых сумма все-таки меняется. Да еще как! В общем, к тому моменту, когда мне все же удалось зажечь спичку, скопление газа в печи было уже довольно большим. Но я-то об этом не знал! Откуда мне вообще было это знать? Когда я просунул горящую спичку в печь, раздался громкий хлопок. Я и не понял, что произошло. Проехав на попе пару метров по полу, я затылком врезался в стену, облицованную керамической плиткой. Плитка вдребезги, затылок разбит.

Как меня ни уговаривали, но в больницу я ехать наотрез отказался. На следующий день в моей голове появился голос. Поначалу он меня сильно напугал, но вреда от него, в принципе, не было, он лишь повторял: «Я тебя вижу, я тебя предвижу». Всегда одно и то же, ну, порой интонация разная. Я решил не говорить родителям про «соседа» в голове, тем более что заметил: если я с ним не разговариваю, то он замолкает и долгое время не появляется. А вот о втором побочном явлении, появившемся после столкновения моего затылка со стенкой, рассказать родителям все же пришлось. Эта побочка до сих пор иногда беспокоит меня, но суть не в этом. Тогда мне никто не поверил – родители решили, что я таким образом пытаюсь привлечь их внимание к себе. В то время они как раз были увлечены трудами какого-то новомодного детского психолога, и уверен, им было виднее. Тем не менее побочка имеет место быть. Заключается она в следующем: разговариваю ли я с кем-то, или просто смотрю прямо перед собой, боковым зрением я вдруг замечаю, что мне на плечо садится муха. Я пытаюсь ее согнать, а ее нет... Или, например, я вижу, что появляется тень, как будто кто-то подошел ко мне со спины. Оборачиваюсь – никого: ни тени, ни человека. Что это? Посттравматический синдром? Но что-то чересчур надолго он затянулся, потому что замечаю я эти вещи довольно часто и

сейчас. И все-таки причина того, что мне желательно не употреблять спиртное, – голос. Он мог не появляться годами, лишь изредка напоминая о себе, и все бы ничего, но, когда я начал употреблять горячительные напитки, голос в моей голове стал звучать все чаще, и простым игнорированием от него было уже не отделаться. Причем возникал он сразу же после того, как мне стоило опьянеть. Я научился чувствовать, когда он появится, прямо твердо знал – стоит мне выпить еще одну стопку, и я тут же слышу: «Я тебя вижу, я тебя предвижу». Да видь ты сколько хочешь! И в этом не было бы ничего страшного, ограничивайся он только этой фразой. Так нет, теперь ему обязательно нужно было втянуть меня в диалог, а пьяные люди, сами ведь знаете, они же податливые, ну, вот и я не был исключением. И тут начиналось! То есть голос начинал учить меня жизни. Но и на это, скрепя зубами, можно было закрыть глаза, так ведь и этого ему было мало – он начинал провоцировать меня на всякие мерзости и пакости, которые ему почему-то казались смешными. Бр-р-р, даже вспоминать не хочется.

Вообще-то мне нравится состояние алкогольного опьянения – свет становится мягче, звуки таинственней, мораль потихоньку уходит на второй план... Мне кажется, что не будь в моей голове этого голоса, провоцирующего меня на безобразия, я мог бы стать тихим алкоголиком, ну а с ним выпивка не доставляет желаемого удовольствия, поэтому мне приходится ограничивать себя в употреблении спиртных напитков. Я могу свободно всю вечеринку потягивать один стакан пива и, в принципе, чувствовать себя вполне нормально – наблюдать за пьяными людьми, оставаясь трезвым, порой забавно. Конечно, бывали и срывы, но случались они довольно редко. По крайней мере, за последние три месяца больше стакана пива я не выпил ничего – сегодняшняя бутылка «Туборга» была исключением. Была и вторая причина моего алкогольного поста, но это больше для родителей. Дело в том, что у меня неоперабельный врожденный порок сердца, и с полугодовалого возраста я состою на учете у кардиологов клиники имени Мешалкина, что в новосибирском Академгородке. Каждый год мне предписано ездить туда на обследование. По этой причине меня не взяли в армию (блин, в этом году нужно будет обследование пройти, чтобы окончательно подтвердить диагноз и получить военный билет), по этой же причине я никогда не посещал спортивные секции, по этой же причине... В общем, много чего случилось, а еще больше – не случилось в моей жизни по этой причине. Но, как я уже сказал, эта причина больше для родителей, так как сам я к этому серьезно не отношусь. Во-первых, сердце меня еще пока ни разу не побеспокоило, а во-вторых, в двенадцать лет я случайно подслушал разговор мамы с моим кардиологом. Так вот, он сказал, что с таким диагнозом я могу прожить до ста лет и никогда не пожаловаться на проблемы с сердцем, а может сложиться такое стечение обстоятельств, когда воедино сойдутся несколько неблагоприятных факторов, и тогда они уже будут бессильны что-либо сделать и как-то помочь. И сойтись эти факторы могут хоть завтра, хоть через год, а могут и вообще не сойтись... Не очень-то обнадеживающе, согласен, но мне это позволяло как-то более полно ощущать жизнь, понимаете? Нет? Ну и ладно. Короче, не пить по этой причине – себя не уважать, так что, получается, что голос в моей голове – единственная причина моего алкогольного воздержания. Ну и гад же он!

Названием уникальность спортивного бара «Рояль» не ограничивалась: в его зале функционировали пункты приема ставок сразу трех букмекерских контор! Улавливаете? Нет? Объясню для тех, кто далек от всех делишек, связанных с лихорадочной жадой наживы, отличительной чертой которых является повышенное потоотделение. Дело в том, что на одни и те же события в разных букмекерских конторах могут быть и разные коэффициенты. Отличаются они друг от друга не сильно, в пределах трех сотых, но все же. Довольно часто может быть так, что в одной конторе на победу команды «Бублики» дают коэффициент два и два, а в другой – два и пять. Теперь понятно? Еще нет? Вы конкретно добропорядочный семьянин! Респект вам и уважуха! Снимаю шляпу! Честно. В общем, каждый, кто по каким-либо причинам уверен в

победе «Бубликов», понесет свои денежки в ту контору, которая на их победу дает коэффициент два и пять, так как это плюс триста рублей с каждой тысячи. Те же конторы, что давали на «Бубликов» коэффициент два и два, останутся и без клиентов, и без денег, а этого они себе позволить не могут, поэтому букмекерские конторы всегда работают обособленно. Перед владельцем «Рояля» я снимаю шляпу два раза – то, что проделал он, думаю, не под силу больше никому. Видимо, помимо странного чувства юмора, у него и в голове что-то есть – иначе объяснить мирное сосуществование трех букмекерских контор под одной крышей невозможно. Бар был забит до отказа и днем, и ночью.

Костя Москвин, он же Грач, летом имел в «Рояле» что-то типа штаб-квартиры – угловой столик в дальнем углу бара на три месяца переходил в его полное распоряжение. На столике стоял ноутбук, рядом с которым ворохом были навалены тетради формата А четыре и какие-то брошюры. Несколько жестяных баночек «Пепси» довершали убранство стола. Костя был завершённым трезвенником, причем безо всяких на то причин. В самом деле, нельзя же считать принципиальное нежелание затуманивать мозг алкогольными парами достаточным поводом для добровольного отказа от восхитительного... Ну да ладно, это его личное дело. Костя закончил первый курс физмата в нашем университете и, по слухам, бродившим в студенческих кругах, находился на пороге какого-то невероятного открытия, способного перевернуть с ног на голову фундаментальную науку. Что это за открытие и с чем его едят, я как-то не интересовался. Вообще мы с ним довольно случайно оказались в одной компании и, если честно, не очень-то нравились друг другу. Вроде бы и черная кошка между нами не пробежала, но как-то уж так получилось.

Протолкнувшись сквозь густой туман табачного дыма и плотные группы разновозрастных пленников азарта, пялившихся на огромные телевизионные мониторы, транслирующие спортивные события со всего мира, пролапировав между рядами столиков, за которыми шло бурное обсуждение этих самых событий, я добрался до столика Кости и плюхнулся на стул.

– Привет, Костян.

– Привет, – он оторвал взгляд от брошюры, которую читал.

– Что читаешь?

– Алфизику.

– Что-что? – не понял я.

Он улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

– В Средневековье была очень популярна такая псевдонаука, как алхимия. Слышал?

– Ну-у, конечно... Философский камень там...

– Во-во! «Философский камень»! Современная астрофизика – это тоже что-то типа поиска философского камня: вроде бы и наука, а ни на один вопрос, поставленный перед ней, определенного ответа дать не может. Одни предположения, догадки и теории. Вот я и называю ее алфизикой, – он улыбнулся еще шире.

– А... Ну... – если честно, то я вообще ничего не понял, но сознаваться в этом не спешил. К тому же я не был хорошо знаком с этим предметом, чтобы делать какие бы то ни было замечания по этому поводу, а выглядеть тупым и смешным в глазах Кости мне не хотелось.

– Вот, послушай, – он открыл брошюру. – «А еще я чувствую себя настоящим великаном, ведь мы сумели определить свое место во Вселенной исключительно благодаря тому, что происходит в человеческом мозге, весом всего лишь в полтора кило!» – Костя бросил брошюру на стол и поморщился. – И это говорит один из выдающихся астрофизиков современности – великий Тайсон!

Я присвистнул:

– Ни фиги себе, нормально парню башку на ринге стряхнули! Он что, в астрофизики подался?

Костя уставился на меня, а потом рассмеялся, откинувшись на спинку стула.

– Нет, Антон, это не боксер. Хотя, возможно, от того толка было бы больше.

Ну вот, все-таки сморозил глупость. Но Костя не стал акцентировать внимание на моей оплошности, его лицо вновь стало серьезным.

– Ты понимаешь, что он говорит? Они нашли свое место во Вселенной! Кроме затасканной теории большого взрыва они ничего не могут предложить нам, чтобы объяснить возникновение самой Вселенной. Одни лишь туманные намеки да невнятное бормотание, сплошь состоящее из «возможно» и «мы допускаем». Что вы вообще можете допускать?! Какова природа сингулярности, заключающей в себе энергию невероятной мощности? Источник этой энергии? Хотя бы предположительное время прекращения расширения Вселенной? Ни одного ответа! Зато «великаны»!

Было видно, что он очень возмущен. Правда, я не понимал чем, а потому помалкивал. Хватит одного «Тайсона». Во мне росло чувство уважения к нему, граничащее с восхищением, – сам я, как уже сказал, мало разбирался в подобных вещах, а вот Костя говорил о них так, как будто имел на это право, как будто он уж знает разгадку возникновения Вселенной, понимаете?

Он отхлебнул из жестяной баночки.

– И ответов не будет... – задумчиво вертя жестянку, Костя посмотрел на меня. – А знаешь почему?

Я отрицательно покачал головой.

– Потому, что нас наделили чрезмерным чувством собственной значимости, а ответы на эти вопросы откроют наше истинное лицо, и оно, уверен, нам не понравится. Те, кто понял суть вещей, постарались скрыть его и уйти подальше, спрятаться. Ты знаешь, кто такой Этторе Майорана?

– Нет, о таком боксере я не слышал, – я шуткой постарался скрыть свое невежество, но Костя даже не улыбнулся.

– Это гениальный итальянский физик, который почти восемьдесят лет назад сформулировал уравнение, из которого следовал вывод о необходимости существования частиц, одновременно являющихся собственными античастицами. Их сейчас называют, фермионами Майораны. Их обнаружили буквально пару месяцев назад. Нейтрон тоже является его детищем, правда, он даже не опубликовал свое открытие. Думаю, он понял, к чему прикоснулся, и осознал то, что человечество не готово еще принять себя тем, кто оно есть на самом деле, а потому посчитал за лучшее самоустраниться, отойти в сторону.

– Самоубийство?

Костя пожал плечами:

– Говорят, что в разное время его следы обнаруживали в Аргентине, Чили и Венесуэле. Наверное, он решил, что лучше пожить в свое удовольствие, чем всю оставшуюся жизнь провести в дурдоме.

– В дурдоме? Почему? Ты же говоришь, что он гениальный физик.

– Вот его гений и объяснили бы душевной болезнью. Людям нельзя знать правды о себе, только они этого не понимают, продолжая пытаться найти какой-то смысл жизни. А зачем? Вдруг окажется, что он не настолько возвышен, как им бы этого хотелось, а? – Костя вновь отхлебнул из жестянки и резко сменил тему. – А ты вообще чего пришел-то? У тебя же вроде перерыв.

– Да так, – я достал сигареты и закурил. – Решил вот тебя проведать, Жижа говорит, что у тебя теория какая-то есть интересная... Ну, типа «кто мы вообще такие».

– Слушай болтуна больше, – махнул рукой Костя и вновь присосался к жестянке с «Пепси». – А ты его где видел?

– В «Пещере» с «мультяшками» он.

– Пьет?

– Ага. А утром я его от этих забрал... от ариев.

– От кого?

– Да фиг их знает. В камуфляжах они, в общем.

– «Русские арии». Зря он. Я говорил ему, того паренька нужно в «Русском фронте» искать. Только у них отморозки такие, а «Арии» больше болтологией занимаются.

К столику подошел парень в красной футболке с забавными смайликами и надписью на всю грудь «Зарплата – обхохочешься!». Он наклонился к Косте и что-то зашептал ему на ухо.

Тот внимательно выслушал его и откинулся на спинку стула. Что-то обдумав, он спросил у паренька:

– Денег у тебя сколько?

Тот замялся.

– Да я же не себе, балбес. Мне же сориентироваться надо, на сколько удвоений у тебя хватит, если что-то изначально не так пойдет.

– Трешка, – выдавил парень.

– Ну, а чего менжуетесь? Тебе вообще шиковать можно! Хочешь-то что? Удвоить? В разрез? Или больше?

– Мне бы плюсом двушку выкатить, ты же знаешь...

– Знаю, знаю, Ниночка завтра именинница. Ну что ж, не будем портить ей праздник, а? – Костя хитро посмотрел на паренька.

Тот заулыбался и затряс головой.

– Короче, гляди, – Костя открыл тетрадку, что-то быстро начиркал на листке, вырвал его и отдал парню. – Смотри, не перепутай – прием подачи Сереной в первых двух геймах каждого сета, по пятьсот. Начинают через двадцать минут. Ну и тысячу на прием подачи Джоковичем в четвертом гейме второго сета. Он к тому времени как раз разыграется.

Шевеля губами, паренек смотрел в бумажку, затем улыбнулся и хотел было уже отойти от нашего столика, но Костя придержал его за руку.

– И все! Понял? Снимаешь деньги и бегом за цветами для Нинки.

– Ну ты чего, ты же знаешь...

– В том-то и дело, что знаю. Понял?

Паренек кивнул и, отойдя от столика, направился в сторону пункта приема ставок.

– Стой! – завопил Костя.

Паренек остановился как вкопанный и обернулся.

– Да что ж ты за игруля-то такой! Куда поперся-то? В «Фон» иди, там еще и на тортик накапает.

Лицо парня расплылось в улыбке, казалось, даже смайлики на его футболке заулыбались шире, он развернулся на сто восемьдесят градусов и направился к окошечку «Фона». Несколько человек обступили его, заглядывая в бумажку, которую он держал в руке.

– Беда с ними, не успевают тысячу выиграть, как тут же проиграют две. Никакого разумного начала. Ну, да ничего, скоро это кончится.

– Они убьют тебя, Костя, – я смотрел на его улыбающееся лицо и мне почему-то казалось, что где-то рядом с ним притаилась беда.

– Кто? – он улыбнулся еще шире.

– Букмекеры. Соберутся, наймут киллера и убьют.

–хлопотно это. К тому же я ведь помногу и не выигрываю, – он наклонился ко мне через стол и зашептал: – Вот скоро я им бомбу подложу! Каждый сможет выигрывать!

– Это как?

– Аналитические отделы контор пользуются одними и теми же программами для вычисления непересекающихся коэффициентов, а в каждой программе есть ошибка. Мизерная, с миллионной долей допустимости, но есть. Она заложена изначально. Видишь ли, математика

не такая уж и точная наука, как нам всю жизнь преподносится, поэтому без этих допустимых ошибок программы просто не будут работать, они необходимы. Так вот, у этих ошибок есть определенный интервал, обусловленный самой допустимостью ошибки, понимаешь?

– Пока нет, – тоже шепотом сказал я.

– Через определенный интервал программа выдает ошибку, и коэффициенты пересекаются... в одном событии! Ну?

– Вилки? – выдохнул я.

Вилки – хрустальная мечта игроков, так как, играя на них, ты всегда остаешься в плюсе. Риска проиграть нет вообще. Я слышал, что многие пытались вычислить закономерность выдачи программой ошибок расчета коэффициентов, но пока это никому не удавалось. Были и аферисты, которые простенькие программы выбора случайных чисел пытались выдавать за панацею беспроигрышного обогащения, но, как правило, они плохо кончали.

– Да, – Костя сел в нормальное положение и откупорил новую баночку «Пепси».

Я озадаченно посмотрел на него.

– Но...

– Знаю, знаю, это считается невозможным, но я уже практически решил эту задачу. С помощью некоторых дифференциальных уравнений и двойного интегрального вычисления можно с вероятностью девяносто восемь процентов установить периодичность возникновения ошибки, ну а там вообще уже все просто. Через пару недель мне напишут программу и... – он замолчал.

– И? – теперь уже я наклонился через стол.

– И в скором времени ею сможет воспользоваться любой желающий! Конторы не смогут ничего сделать – ошибка заложена в любой программе. Им просто придется свернуть свою деятельность, потому что больше они не смогут наживаться на людском азарте, понимаешь? Все плюсы сложно осмыслить сразу, но, думаю, без ложной скромности могу сказать, что они будут поистине глобальными, – Костя широко улыбнулся.

Вид у него был как у мальчишки, которому удалась забавная проделка. Ощущение беды, подстерегающей его где-то совсем рядом, усилилось.

– Они тебя точно убьют.

– Да и фиг с ними. Перейду на другой уровень.

Я непонимающе уставился на него.

– Это как раз по той версии, о которой тебе Артем говорил.

– Что за теория-то?

– Неподготовленному человеку воспринимать и осмыслить ее сложно, – Костя хлебнул «Пепси» и посмотрел на меня. – В общем, слушай.

Действительно, то, что он поведал мне дальше, требовало длительного осмысления. Правда, для того чтобы начать осмысливать все, что сказал Костя, нужна была еще и крепкая психика, так как его теория возникновения человечества ломала все сложившиеся в мире на данный момент стереотипы восприятия окружающей действительности. Необходимо было какое-то время для того, чтобы для начала просто уложить все услышанное в голове, расставить по полочкам, а потом медленно и постепенно постараться опровергнуть его теорию, потому что, хотя на первый взгляд она и выглядела фантастической и нереальной, а мне, если честно, поначалу вообще показалась бредом сумасшедшего, он подводил под нее настолько серьезную научную базу, что просто так отмахнуться от нее было бы по крайней мере глупо.

В общем, по его теории выходило, что человечество является не уникальным верховным продуктом эволюции, не властелином пространства и времени, каковым оно привыкло себя считать, а всего-навсего лишь многочисленной группой ботов, участвующей в игре под названием «Планета Земля». Каково? Говорю же, психика должна быть железобетонной.

Он сыпал историческими фактами, формулами и расчетами, приводил, казалось бы, неопровержимые аргументы в пользу своей теории, а у меня кружилась голова, когда я представлял себя персонажем какой-то игры, которого, если захотят, то прокачают, а не захотят, то и фиг с ним, живи на обочине.

– Должен сказать, что программисты, создавшие игру, далеко не гении. При тех технологиях, которые доступны им, могли бы сотворить что-то более цельное и рациональное. Но, с другой стороны, они палку не перегибают – изначально привив нам чувство собственной значимости, затем с помощью персонажей, специально для этого прокачанных, начинают прививать нам чувство собственной неполноценности, держат баланс, – Костя усмехнулся. – Ну, а чтобы уж совсем не лишить нас последних крох самоуважения, нас окружают различными «подушками безопасности» – религиозными, политическими, социальными. Пожалуйста, вот вам десять заповедей, которые привьют вам уважение к самим себе. Не хотите? Будьте любезны, получите этику и эстетику – они послужат вам примером вашей непогрешимости. Примеров много...

– Подожди, подожди, Костя, – перебил я его, почувствовав, как мне показалось, брешь в его стройных умозаключениях. – А как же божественное происхождение? «По образу и подобию»... Это куда деть?

– А зачем его куда-то девать? – невозмутимо спросил Костя. – Согласись, ведь человек себя тоже иногда считает богом и тоже что-то создает по своему подобию. Возьмем тот же компьютер.

– Компьютер? – я помотал головой, пытаюсь уследить за ходом его мысли.

– Ну да, компьютер. Мы же тоже сильно не заморачивались, когда изобретали его – все как обычно, «по образу и подобию». Архитектура один в один, не находишь? Операционная система – фактически наша нервная система, координирующая работу инстинктов и рефлексов; оперативная память по своей сути – как наша кратковременная память; отделы нашего мозга, в которых хранятся жизненно важные воспоминания, – чем не жесткий диск? Функции зрения, слуха, обоняния у компьютера на себя берут устройства ввода, получения информации, тогда как устройства вывода отвечают за функции речи, мимики и жестов. Легкие – тот же кулер, желудок – блок питания, а мозг – процессор, а? Похоже? Только компьютер сделали не мы, а нами, – Костя широко улыбнулся. – Мы лишь боты. Высокотехнологичные, чувствующие, но боты!

– Согласен, сходство есть, но... Черт возьми, Костя, в отличие от компьютера, мы способны свободно мыслить! У нас нет заданного алгоритма мышления! – очень уж мне не хотелось чувствовать себя ботом.

– Ой ли? Ты серьезно? Антон, это же детский лепет. Человек не может помыслить немислимое. Точно так же, как компьютер. Наш разум (тире процессор) имеет свои рамки мышления, за которые неспособен выйти. А вот зато наш организм знает математику куда лучше нас самих – на бессознательном уровне происходят такие вычисления, что ни одному гению от математики не снилось. Понимаешь?

– Нет, – не совсем честно ответил я.

В принципе, я понимал то, о чем он говорит, но принять это еще не был готов, да и навряд ли когда буду. Мне вдруг второй раз за день дико захотелось выпить. Выпить и забыть этот разговор. Даже голос в моей голове казался мне сейчас милым собеседником... Мелькнула мысль: «А не после ли ознакомления с этой теорией запил Жижка?», но я тут же отогнал ее – Артем пил всегда. По крайней мере, сколько я его знал.

– А божественное происхождение, о котором ты упоминал, – продолжал добивать меня Костя, – ну-у... что такое все священные писания? Если посмотреть на них несколько отвлеченно, абстрагируясь от общепринятого восприятия, а?

Я пожал плечами, мое восприятие на данный момент вообще мне не помогало.

– Не похожи ли они на своды правил любой компьютерной игры, составленные для своих кланов?

Я уставился на него, теперь уже действительно не понимая, что он имеет в виду.

– Ладно, фиг с ним, – Костя махнул рукой. – Ты с теорией Большого взрыва знаком?

– Смутно.

– Не суть важно. Если совсем по-простому, то Вселенная возникла в результате мощного взрыва сингулярности, которая имела размер... ну, допустим, горчичного зернышка. Да, пресловутое горчичное зернышко! – Костя, улыбаясь, смотрел на меня. – Представляешь? Из горчичного зернышка возник весь обозримый мир! Планеты, солнца, космос, все вообще. Ничего не напоминает?

Какие-то обрывки текста из Библии, когда-то мною прочитанной, смутно всплывали в памяти, но они были настолько туманны, что я не мог вспомнить, к чему они вообще относятся.

– Что-то из Библии...

– Не мучайся, горчичное зернышко всплывает во всех священных писаниях, ну, в более ранних религиях его прототипом являлось маковое зернышко, но я не об этом сейчас. С чем-нибудь другим оно у тебя не ассоциируется?

Горчичное зернышко... взрыв. Я пожал плечами, хотя у меня промелькнула догадка. Мне она показалась чересчур дикой, но последующие слова Кости лишь подтвердили ее.

– Кремниевый микрочип, а? Вставляем, нажимаем кнопку и – бах! – взрыв! – Вселенная на экране. Строй и планируй все, что твоей душе угодно. Неплохо, а?

Я ошарашенно смотрел на Костю. Видимо, у нашего разума, действительно, есть рамки и, если честно, мне не хотелось за них выходить.

– Да, Антон, наши души кремниевой породы, да и природы тоже. Ее имеет все, что окружает нас, – воздух, которым мы дышим; земля, по которой мы ходим; мозг, который позволяет нам мыслить... В общем, все! У тебя никогда не возникало ощущения единения с природой?

– Возникало, – выдавил я.

– Вот! А я что говорю! Знаешь, почему возникало такое ощущение? Потому, что мы однородны со вселенной, мы – одно целое, понимаешь? Четыре самых распространенных химически активных элемента во Вселенной – водород, кислород, углерод и азот – это четыре самых распространенных компонента жизни на планете Земля. Вывод прост: мы не просто живем во Вселенной, Вселенная живет в нас. Принять это нам мешает изначально заложенное нашими программистами в нас чересчур раздутое самомнение. Этакий комплекс уникальности и неповторимости. Ну да ничего, рано или поздно, но нас вылечат. Причем самым бесцеремонным образом – сотрут из памяти «горчичного зернышка» к чертям собачьим и запишут новую игру.

– Как, «сотрут»? – я подавился дымом только что подкурренной сигареты.

– Просто возьмут и сотрут. Ты же стираешь «Контру», если тебе захотелось поиграть в «Нид фор Спид», а места на диске нет? Ну вот, и нас так же сотрут. Даже огромный потенциал «горчичного зернышка» не безграничен. Количество населения нашей планеты увеличивается, и оно требует вложения в себя этого потенциала – частичку кремниевой души, той энергии, которая позволяет нам быть не только думающими, но и чувствующими персонажами. Но, повторяю, потенциал не безграничен. Мы и так уже давно с половинчатыми душами, а кто и с четвертинками.

– Как это?

– Игру прокачивают, население планеты стремительно растет. Сто лет назад на ней было три миллиарда, сейчас уже семь. Где взяли энергию еще для четырех миллиардов? Что-то позаимствовали у земли, обокрав ее; что-то забрали у воды, обмелив реки; что-то выкачали из воздуха, ну а что-то отняли и у других людей. Но деление ведь не может продолжаться вечно, всему есть предел. Поэтому я и говорю, что, скорее всего, нас скоро сотрут и запишут что-то

новое. Возможно, более интересное, – Костя широко улыбнулся. – Поэтому, даже если букмекеры захотят от меня избавиться и найдут киллера, ничего страшного. В принципе, я никуда не денусь, просто произойдет, так сказать, перевоплощение, вот и все. Вес Вселенной от сотворения и до сегодняшнего дня остается неизменным.

– Да-а... – только и смог сказать я.

– Не грузись. Поначалу это трудно осмыслить, хотя данная теория многое упрощает, и сама по себе отпадает необходимость задумываться над вопросами типа «Что появилось первым – яйцо или курица?». Кстати, эту теорию полностью подтверждает индуизм. Да и все иные религии тоже. Только говорят они об этом другими словами. В конце концов, нельзя же нас окончательно разочаровать в самих себе. Иначе мы начнем плохо играть.

– Значит, никакого смысла жизни нет?

– Почему это нет? – удивился Костя.

– Ну а какой смысл, если...

– Подожди, – перебил меня Костя. – Знаешь, есть такой анекдот: «Умирает столяр, предстает перед Богом. Тот у него спрашивает: «Ты кто?» «Столяр», – отвечает столяр. «Счастливый человек! – восклицает бог. – Как же я тебе завидую!» «Мне? Почему?» – удивляется столяр. «А потому что табуретки, которые ты сделал, не бегают за тобой и не требуют открыть им смысл их жизни», – Костя улыбнулся.

– Получается, что...

– Да, Антон, получается, что жить – это и есть смысл жизни, – он улыбнулся еще шире и совсем неожиданно сказал: – Оказывается, ты нормальный парень.

– Подожди, подожди, что-то я не понял... В смысле, «нормальный парень»?

– Ну, не задавака... Мне всегда казалось, что ты на всех свысока смотришь...

– Я?! Свысока? – если честно, то я был несколько ошарашен.

Самому-то мне казалось, что проще меня вообще нет никого на всем белом свете, поэтому слова Кости стали для меня откровением. У меня в голове не укладывалось – неужели в чьих-то глазах я действительно могу выглядеть, как выразился Костя, задавакой? Никогда бы не подумал.

– Да, ты, – Костя продолжал улыбаться. – Ты же почти всегда молчишь. Создается впечатление, что даже разговаривать с другими ты считаешь ниже своего достоинства.

– Я молчу потому, что боюсь показаться глупым, – почему-то сейчас мне легко было признаться ему в этом. – К тому же, у меня лучше получается выражать свои мысли на бумаге, чем устно.

– Да, наверное, такое тоже бывает. На будущее, Антон: среди друзей не стоит бояться показаться ни глупым, ни смешным, понимаешь? Да и вообще бояться ничего не стоит. К тому же, ты далеко не глуп, так что зря ты себя накручиваешь, – он на секунду задумался, а потом вдруг спросил: – У тебя вообще деньги есть?

Я опешил еще больше – Костя был единственным из моих друзей, кто до этой минуты еще ни разу не просил у меня денег. Мне стало стыдно оттого, что именно сейчас, когда они ему понадобились, у меня их как раз практически не было. Немного замешкавшись с ответом, я все же выдал:

– Мало, но если тебе...

– Ты не понял, – перебил меня Костя. – Мне-то они зачем? Себе на «Пепси» я уж как-нибудь наиграю, можешь не сомневаться. Просто я знаю, что ты летом не играешь, вот и поинтересовался.

– Я на работу сегодня устроился.

– Да? И куда же?

Хотя только что Костя и уверил меня в том, что не стоит бояться показаться глупым и смешным среди друзей, но мне все-таки было стыдно признаться ему, в чем именно состоят

мои рабочие обязанности. Тем более после разговора о возникновении Вселенной. Поэтому я просто сказал:

– В больницу.

– Ну-у, это, конечно, хорошо, только зарплату тебе, в любом случае, еще не скоро дадут, – он открыл одну из тетрадей и принялся в ней что-то писать.

К нам вновь подошел парень в красной футболке со смайликами и неловко положил на столик две тысячные купюры. Костя оторвался от писанины, посмотрел на деньги, затем на парня.

– Что это?

– Костя, они это... все сыграли! Серена четыре подачи приняла! И Джокович тоже...

– Ну и?

– Вот, это тебе. Там больше получилось...

– Ты что, больной?

– Н-нет...

– А мне кажется, что больной. Деньги забрал и бегом Нинке подарки покупать. Чтобы я тебя здесь неделю не видел, понял?

– Ну, а... – замялся парень.

– Я тебе все сказал!

Парень схватил деньги и поспешил на выход.

– Видал, какие балбесы, а? – Костя вырвал листок из тетради и протянул мне. – Вот, возьми. Схема простая, но беспроегрешная. Сейчас как раз сезон, до футбола перебеешься.

Я посмотрел на схематичный рисунок, представляющий из себя последовательность ставок на геймы в сете. Простота схемы сразу бросалась в глаза, но без подсказки Кости я бы до нее не додумался. Единственная сложность заключалась в распределении сумм на ставки, но с этой нехитрой арифметической задачей я справлюсь легко.

– Ты в теме, поэтому быстро сообразишь, что к чему. Только играй на первых трех кругах больших турниров. Сейчас их много. Да, вот еще что, смотри, чтобы разница между соперниками была минимум в двадцать позиций рейтинговой таблицы. В принципе, это как раз первые три круга любого большого оупена. У них почему-то всегда одинаковый посев, – Костя хитро улыбнулся.

Я прекрасно понимал, о чем он говорит. Все-таки замечательно иметь друзей. В конце концов, не все они оказываются сволочами.

IV

Утром я проснулся весь липкий от пота – ночка выдалась еще та! Сначала я в образе персонажа игры «Супер Марио» бегал по крышам и шастал по подвалам, безуспешно пытаюсь найти переход на следующий уровень, но у меня это все никак не получалось, а потому я постоянно возвращался в исходную точку. Видимо, моя психика оказалась не такой уж устойчивой, как бы мне того хотелось, и Костина теория возникновения человечества пошатнула ее основательно. Каким-то непостижимо-чудесным образом я все же сумел перейти на следующий уровень и, видимо, за свое упорство и волю к победе сразу получил бонус, оказавшись на маленькой полянке среди непроходимых джунглей Амазонии. Поляну окружали стволы огромных, неведомых мне деревьев и заросли кустарника, в густой зелени которых немигающими желтыми огоньками горели глаза хищников. Пылал костер, а рядом с ним, широко расставив ноги, стояла Аллочка в маленькой набедренной повязке из шкуры леопарда. На заостренном пруту, который она держала в руке, шипели куски мяса. С них капал сок, взметая искры. Языки пламени ложились причудливым узором на обнаженные груди Аллочки, и узор этот постоянно менялся, двигался, танцевал, создавая неопишемую игру светотени на молочно-белых полушариях. Плотно улыбнувшись, она протянула мне прут с шипящими кусками мяса: «Ешь! Сегодня тебе потребуется много сил». Я хотел спросить для чего, но ее улыбка говорила сама за себя, и вопрос застрял у меня в горле. Я впился зубами в обжигаящее горячее мясо, сок потек по подбородку. Аллочка смотрела на меня, продолжая улыбаться, и, если честно, мне было не по себе от ее улыбки. Моих таек нигде не было видно, и я хотел было поинтересоваться, куда они подевались, но вовремя сообразил, что не стоит проявлять такой интерес при женщине, которая способна голыми руками справиться с леопардом. Да и вообще ей не стоит задавать никаких вопросов. Повязка вдруг исчезла с ее бедер, тени заплясали быстрее, яркие звезды неба Южной Америки оказались перед глазами – я лежал на спине, не понимая, как это произошло. Но вот Аллочка уселась на меня, и перед лицом замаячили огромные полушария с нежно-розовыми сосками. Аллочка принялась раскачиваться взад-вперед, запрокинув голову, а полушария мягко пружинили, соприкасаясь с моим лицом. Я пытался поймать ртом затвердевшие соски, но у меня это почему-то не получалось, а Аллочка уже всю прыгала на мне. Она была неумоима и ненасытна. Я скосил глаза в сторону – из зарослей кустарника за нами продолжали наблюдать немигающие желтые огоньки, бежать было некуда. А Аллочка все прыгала и прыгала не мне, приговаривая при этом: «Забудь своих желтых шлюх. Ты их больше никогда не увидишь». Оставалось надеяться, что ел я все же леопарда...

Перекинув через плечо полотенце и прихватив чистые трусы, я пошел в ванную. В блоке стояла тишина, пол кухни был усеян осколками разбитых бутылок и кусками какой-то неопознаваемой еды. Видимо, ночью у нас произошла небольшая локальная войнушка. Ну вот, а говорят, что девяностые кончились. Ошибаются, они просто ушли в подполье. Криминальные понятия сейчас актуальны вот на таких вот общих кухнях коммунальных квартир. Интересно, что прокачивали на этот раз? Приоритетное право более сильных первыми принимать душ? Или кто-то был пойман на недоливе водки собутыльникам? Вариантов масса, и все они крайне жизненно важные, а потому отдать предпочтение чему-то одному очень сложно. Так и не склонившись ни к одному из вариантов этой «угадайки», я пожал плечами и прошмыгнул в ванную.

«Презентабельная ванная» – словосочетание, лишённое логики, не может ванная быть презентабельной, ну, или я просто таких не видел. В любом случае, ванная в этой квартире не могла претендовать на какой-либо эпитет, кроме «неказистая», но я считаю, что серый интерьер и несколько отколовшихся от чугунной ванны кусочков эмали не слишком-то и большая

плата за возможность чувствовать себя независимым человеком. Ради свободы всегда приходится чем-то жертвовать, а это и жертвой-то назвать нельзя.

Быстренько простирнув трусишки и приняв душ, я насухо вытерся и шагнул в коридор.

– А-а, сосед, – женщина, лет тридцати, с симпатичным, но несколько уставшим лицом, собиравшая веником осколки, выпрямилась.

Грудь под бирюзовым байковым халатом, накинутым на голое тело, так и ходили ходунком.

– Здравствуй... те, – я почувствовал, как румянец заливает щеки. В одних трусах перед женщиной... Что бы сказала мама? – Я сейчас...

– Куда ты? Давай хоть познакомимся, – крикнула женщина мне вслед, но я был уже в своей комнате.

Повесив мокрые трусы на батарею, я быстро накинул джинсы, надел футболку и, пригладив волосы рукой, вернулся на кухню.

Женщина стояла у плиты, а за столом сидел мужчина. Ввиду сильной помятости лица определить его возраст было сложно. Сначала я подумал, что он отец женщины, но, как оказалось чуть позже, совсем недавно мужчина отметил свое тридцатипятилетие. Одет он был по домашнему – в хлопчатобумажное черные трико и тельняшку.

– Наташка, будь человеком, а? Я же умру сейчас, – сиплым голосом басил он.

– Не умрешь. Не хрен было жрать ее, родимую. Нет у меня денег, – женщина сполоснула под краном фарфоровый заварник и засыпала в него чай. – Вот, чифирка сейчас хлебнешь и поправишься.

– Не-е, ну ты, в натуре, ведьма. Какой «чифир»? У меня нутро горит! – тут мужик увидел меня. – О, сосед! Слышь, а мы твое новоселье-то не отмечали. Не по-людски это, а? Жить живешь, а общества сторонисься.

– Да я...

– Парень, да не слушай ты этого алкаша. Ему все чего-нибудь отмечать, – женщина устало улыбнулась. – Звать-то тебя как?

– Антон.

– А я – Наташа. А вот это чучело, – она махнула на мужика, – муж мой, Сергей.

– Не, Антох, в натуре, не по-христиански как-то, а? – не унимался «чучело-муж» Сергей.

– Да я не пью...

– Вот! Видишь, не пьет человек! – Наташа прямо засияла. Господи! Хоть один нормальный жилец! А то ведь постоянно одни пропойцы заселяются.

– А кто здесь еще живет?

– Сейчас только ты да мы. Остальных вчера выселили, – водку жрать у них деньги есть, а за квартиру платить нечем. Целая кодла ведь была.

– Антох, ну? – Сергей подмигнул мне, видимо, рассчитывая на мужскую солидарность.

– Я тебе наподмигиваю сейчас, тюремщик несчастный! – взвилась Наташа и легонько шлепнула Сергея по затылку. Грудь под бирюзовой байкой заплесали румбу.

– Вы что... сидели?

– Он и сейчас сидит, – не унималась Наташа. – Люди отсидят и на волю выходят, а этого каждые три дня в тюрьму тянет.

Я непонимающе переводил взгляд с Наташи на Сергея, и обратно.

– Да работает он там. Целый майор! Майор! – Наташа подняла палец к потолку. – А зарплата? Курам на смех! Ну, сколько ты получаешь? Скажи вот людям, – она распалялась все больше.

– Шла бы сама работать, а то... – буркнул Сергей.

– Ага, ты этого только и ждешь, чтобы своих подстилок сюда таскать, – грудь Наташи уже вовсю отплясывали ламбаду.

– Завела шарманку, – снова буркнул Сергей и опустил голову еще ниже. – Нормально я получаю, другие и того не видят.

– Нормально?! – Наташа аж задохнулась от возмущения, и на мгновение в кухне повисла звенящая тишина, но только на мгновение. – Нормально? – как-то уж совсем зловеще выдохнула она. – У тебя годовой оклад в пять тысяч нормальных американских денег укладывается. Это нормально? Тоже мне, офицер силовой структуры России. Ценит она вас, как же! У нас нынче невалютные проститутки в десять раз больше получают, а пользуют-то их меньше, чем тебя.

– Ну, ты чего совсем-то... – поморщился Сергей.

Было видно, что ему совсем плохо.

– А чего? – вновь взвилась Наташа. – Вот Ленка со второго этажа, пожалуйста, – зимой в Таиланд, весной в Египет. А мы?

Пора было спасать мужика.

– А у вас кастрюля есть? – успел я спросить, пока Наташа собиралась с силами для новой атаки.

Задать нелепый вопрос – самый верный вариант деморализовать человека на некоторое время. Пока нейроны головного мозга передают друг другу непонятные сигналы, человек практически парализован, так как он вообще не может понять, что от него хотят.

Сергей с Наташей уставились на меня. Вскипев, засвистел чайник.

– Просто хозяйством я пока не обзавелся, а кушать охота, – я улыбнулся и развел руками. – Я бы до магазина сгонял, пельменей бы взял. Да и... действительно, как-то не по-христиански получается...

Первым опомнился Сергей.

– Мать! Чего рот раззявила? Давай кастрюлю ставь, – он прямо ожил, глаза заблестели. – Вот это другой разговор, Антоха! Да я же сразу вижу: нормальный парень. У меня это профессиональное...

Вообще, эта идея посетила меня как-то неожиданно – задавая вопрос о кастрюле, я просто хотел немного успокоить Наташу, совсем уж загнобившую Сергея. Неприятно было на это смотреть. Вот только когда я озвучивал свой вопрос, тогда и подумал: «А почему бы и нет? Пора обжиться на новом месте, да и с соседями поближе познакомиться лишним не будет». Но главное – хотелось кушать. За весь вчерашний день я съел лишь одну шаурму, и голод давал о себе знать. В общем, идея показалась мне почти гениальной. На последние деньги я взял литр водки, кило пельменей и упаковку майонеза. Сергей не стал дожидаться, пока сварятся пельмени, и принялся лечить себя сразу, как я вернулся из магазина. Я тактично отказался от предложения выпить за знакомство, а Сергей настаивать не стал. Опрокинув пару стаканов, он блаженно развалился на стуле и закурил. Лицо его порозовело, морщины разгладились, и теперь он уже не выглядел папой Наташи.

После каждой следующей стопки Сергей исполнял какой-нибудь куплет из популярного шансона. Как я понял, любимых песен у него было две: «Разбитая судьба» Сергея Наговицына и «Человек в телогрейке» Ивана Кучина. Мне кажется, что, когда он затягивал: «Я от нее не побегу, да потому что бесполезно», у всех бездомных кошек на районе наворачивались слезы. Слуха у Сергея не было абсолютно, но он вкладывал в песни всю душу. Вообще я заметил одну особенность: в наше время шансон популярен среди работников силовых структур, и только среди них – даже в такси его уже не услышишь. Наверное, в этом есть какая-то высшая закономерность – душа тоскует по чему-то родному, но безвозвратно потерянному, а разум скован властью погон. Чуть ослабь эти оковы и все, ностальгия по утраченному возобладает, преступность будет уже не остановить.

Через два часа Сергей уже ни пить, ни петь не мог, и мы отнесли его в комнату. Дверь Наташа закрывать не стала, и мы вернулись на кухню.

– Стыдно ведь людям в глаза смотреть, – делилась она наболевшим. – У других мужья как мужья: кто на заводе работает, кто бизнесом занимается, а у меня... Тюремщик, он и есть тюремщик.

Она тоже выпила пару стопок, лицо ее покраснелось, маленькие капельки пота бисером высыпали на висках.

– А ты, что же, вообще не пьешь? – Наташа придвинулась чуть ближе.

– Да мне нельзя, у меня сердце больное.

– Бедненький, – она погладила меня по плечу. Рука, скользя по руке, легла на мое бедро.

Меня бросило в жар, а Наташа придвинулась еще ближе. Ее глаза пытливно всматривались в мое лицо.

– А хочешь, я тебе хорошо сделаю? – вдруг жарко выдохнула она.

У меня пересохло в горле и, если честно, то я вообще не знал, что мне делать. Положение спас Сергей.

– Наташка! – раздался его бас из комнаты. – Плохо... Воды дай.

– Сволочь, – непонятно кому зло сказала Наташа и вышла из кухни.

Нет, Серега все-таки нормальный мужик, хоть и тюремщик, как выражается Наташа. Правда, он обещал мне организовать лучшую камеру, если что... Так и сказал: «Будешь у меня, как у Христа за пазухой», но он ведь от чистого сердца. А вот Наташе с таким оригинальным мировоззрением срочно необходимо посетить психиатра. Срочно!

Не дождавшись, пока вернется Наташа, я быстро проскользнул в свою комнату, забрал Сару и вышел из квартиры.

Солнышко щедро дарило свое тепло миру. Удобно устроившись в моих ладонях, Сара блаженно щурилась, явно получая удовольствие от нашего моциона. Гуляли мы с ней долго. Из головы все никак не шло покрасневшее лицо Наташи, капельки пота, выступившие на ее висках, жаркое дыхание... Господи! Как я вернусь в эту комнату? Как я смогу жить там после того, что случилось? А что случилось? В принципе, ничего страшного, но мне казалось, что я не смогу смотреть в глаза ни Сергею, ни Наташе... Я гнал эти мысли, но они будто застряли в голове и не хотели ее покидать.

У меня уже начали гудеть ноги, когда мы с Сарой оказались возле памятника Неизвестному джентльмену. Это такой металлический человечек во фраке и в котелке, держащий в руках букет цветов. Конечно же, цветы тоже из металла. Он стоит возле скамейки изящной ковки и выглядит так, словно действительно пришел на свидание. Работа выполнена прекрасно, вот только какие-то вандалы довольно сильно помяли человеку лицо.

Решив дать отдых ногам, я присел на скамейку. На память пришла история трехгодичной давности. Тогда один из моих приятелей загорелся идеей снять короткометражный документальный фильм о нашем городе. Не знаю, чем была вызвана эта идея, не помню суть всего сюжета, но по замыслу приятеля я должен был изображать человека, отсидевшего пятнадцать лет строгого режима, а теперь вернувшегося в родной город. Местом съемок была именно эта скамейка: мне нужно было просто сидеть и задумчиво смотреть вдаль. Мне состарили лицо, наложив какой-то специальный грим, но приятелю почему-то все никак не нравился мой взгляд. Он суетился, бегал вокруг меня и все повторял: «Ну чего ты лыбишься? Ты отсидел пятнадцать лет! Пятнадцать, понимаешь?! Взгляд у тебя должен быть другой!», чем еще больше смешил меня. Мне и впрямь было весело – я прожил-то на тот момент всего пятнадцать лет. Прожил, а не просидел...

Не могу утверждать наверняка, но кажется, что из затеи приятеля тогда ничего не вышло. Ну, по крайней мере, я точно не подошел на роль сидельца.

Воспоминание немного отвлекло меня от размышлений о том, как же мне теперь возвращаться в квартиру. Попытка познакомиться с соседями поближе удалась более чем, и теперь меня беспокоило именно вот это «более чем». Взрослая жизнь все-таки очень опасная штука. Вступая в нее необходимо рассчитывать каждый шаг. Перед глазами вновь всплыло лицо Наташи... «Бедненький... хочешь, я сделаю тебе хорошо...»

Я помотал головой, отгоняя это видение, и достал из кармана листок, на котором Костя начертил схему периодичности ставок на геймы в сетах. Углубившись в изучение схемы, через пять минут я забыл и о Наташе, и вообще обо всем на свете – теперь мне хотелось как можно быстрее опробовать систему в деле. Вообще-то я старался исключить эмоции, а тем более азарт, из своих букмекерских делишек, так как знал, что ни к чему хорошему это не приводит. К ставкам нужно относиться отвлеченно, руководствуясь лишь точным анализом статистических данных, при этом количество этих данных должно быть как можно более полным, и никак иначе. Если же ты хочешь просто испытать сильные эмоции, то лучше покатайся на «Американских горках» или запишись в секцию парашютного спорта – и адреналинчик хапнешь, да и деньги целы будут. В работе же со ставками нужны холодная голова и трезвый расчет. Я прекрасно это знал, но сейчас меня аж потряхивало мелкой дрожью от желания испытать Костину схему на практике. Была только одна проблема – денег у меня не было вообще. Я обзвонил нескольких приятелей в надежде перехватить у них пару тысяч, но, как и следовало ожидать, мои надежды не оправдались – все, как обычно, были на мели. Оставался единственный, зато беспроигрышный вариант.

– Привет, сестра...

Можно было взять пару тысяч у родителей, но, если честно, не хотелось во второй день своей взрослой жизни расписываться в своей несостоятельности, поэтому проще было обратиться к сестре. Порой мне казалось, что она моя вторая мать – уж очень сильно она меня любит. Своих детей у них с мужем пока нет, а потому вся нерастроченная любовь достается мне. Наверное... может быть.

– Мамуль, привет!

– Здравствуй, Антон. Что-то случилось?

Такого начала разговора я не ожидал.

– Нет, ма... С чего ты взяла, что что-то случилось?

– Ты на часы смотрел?

– Согласен, рановато. Не переживай, ничего не случилось, просто я это... я не смогу сегодня приехать.

– Вот теперь рассказывай, что случилось. Почему ты не можешь приехать?

– Да ничего не случилось, мам. Просто у меня... у меня дел сегодня много. Важных дел.

– Послушай, сынок, в жизни нет ничего важнее семьи. Понимаешь, никаких важных дел.

– Ма, ну ты чего? У меня правда сегодня не получится.

– Ну хо-ро-шо, Антон. И когда же у тебя теперь появится время посетить родителей?

– Ма, ну не обижайся, а? Я обязательно заеду на неделе, после работы, хорошо?

– Ладно, Антон. Веди себя прилично, и помни: мы тебя любим.

– Я вас тоже люблю, ма. Пока, – я отключился и хлебнул кофе.

Я все еще не мог решиться выйти на кухню и встретиться с Наташей, поэтому приходилось довольствоваться растворимым. Морально я не был готов ко встрече с соседями. Вчера у меня даже промелькивала мысль переночевать на вокзале, но усилием воли я все же справился со своим малодушием. Правда, нам с Сарой пришлось гулять допоздна, и в комнату мы проскользнули лишь после того, как в окнах квартиры погас свет.

В полшестого утра я проснулся с ощущением того, что выспался. Прокравшись в ванную, я быстренько умылся и, вернувшись в комнату, принялся изучать статистику игроков, участвующих в больших теннисных турнирах. Сезон был в разгаре, и выбор оупенов был огромен.

Внимательно просмотрев составы участников наиболее крупных соревнований, я убедился в том, что Костя был прав: посев первых кругов всех турниров проходил по одинаковому сценарию – в каждой паре был фаворит и был аутсайдер. Я не очень-то сильно разбираюсь в теннисе, но фамилии многих игроков казались мне знакомыми. Наверное, потому что их часто можно было слышать в новостных лентах, но я тщательно проверял их по рейтинговой таблице, помня совет Кости. В общем, через десять минут я с головой погрузился в выработку стратегии на ближайшие матчи. Турниры проходили по всей планете, в разных часовых поясах, а потому почти круглосуточно. От меня требовалось быстро анализировать статистику и успевать делать ставки. Трудность заключалась в том, что при переезде я забыл ноутбук у родителей, и теперь мне приходилось играть с телефона, а неудобство такой игры очевидна, – пока ты заполняешь купон ставки, коэффициент может поменяться, и тогда купон прилетит обратно с просьбой подтвердить ставку. А так как обновление коэффициентов при игре в режиме онлайн происходит каждые две секунды, то... приходится быть шустрым, и даже очень.

Шесть часов пролетели незаметно – из двадцати ставок, которые я все же умудрился успеть поставить, не сыграла только одна. Костина схема работала безукоризненно. За вычетом двух тысяч, которые вчера перечислила мне сестра, чистыми я выиграл более десяти тысяч рублей. Полторы месячные зарплаты за шесть часов... Зачем вообще нужна работа, если можно зарабатывать не выходя из дома? Этот вопрос мог бы появиться в моей голове, а появившись, серьезно повлиять на мое мировоззрение, но я знал, что рано или поздно удача отворачивается даже от очень рационально мыслящих игроков – слишком уж она капризная, эта удача. Поэтому к ставкам нужно всегда относиться лишь как к дополнительному источнику пополнения бюджета, а основным занятием должна оставаться работа. Пусть она и не доставляет морального удовлетворения, а тем более удовольствия, но зато приносит ощущение нужности... Наверное, это прозвучит неоправданно нравоучительно и занудно, учитывая то, что это говорит юнец, еще не достигший совершеннолетия, но я ведь не пропагандой занимаюсь – я говорю лишь то, что думаю. В основном я держу свои мысли при себе, но с вами могу ими поделиться.

В общем, решив, что на сегодня мне хватит заниматься своим обогащением, я закрыл аккаунт. У меня уже в ушах булькало от огромного количества выпитого кофе, а мочевого пузырь раздулся до размера баскетбольного мяча. Я выглянул в коридор – тишина. Стараясь не шуметь, я прошел в туалет и справил нужду. Получив от этого огромное удовольствие, я с легкой душой хотел так же незаметно проскользнуть обратно в комнату, но в коридоре лицом к лицу столкнулся с Наташей.

Аккуратно уложенные волосы, белая блузка, джинсовые шортики. Я не знал, куда глаза девать.

– Здравствуй, Антон, – Наташа смотрела прямо на меня.

– Здравствуй... те, – промямлил я, все еще отводя глаза.

Подойдя вплотную, она положила ладонь мне на плечо.

– Антон... прости меня за вчерашнее.

– Да я...

– Понимаешь, я ведь люблю Сергея. Правда, очень люблю... А вчера как-то... – ей трудно было говорить.

Я, наконец, посмотрел на нее и даже попытался улыбнуться.

– То есть вы больше не хотите... ну, «хорошо мне сделать»?

– Ну-у, если только вкусно накормить, – вымученно улыбнулась и она, но тут же строго добавила, – только не надо ко мне на «вы», договорились?

Я согласно кивнул.

– Кстати, насчет «вкусно покормить»... Я не откажусь. После вчерашних пельменей у меня во рту маковой росинки не было.

– Так чего мы стоим? Мой руки и на кухню.

– А... где Сергей?

– Он на сутках, придет только завтра утром. Скорее даже к обеду. Домой-то он не сильно торопится. Задолбала я его своим нытьем, – она грустно улыбнулась и подмигнула. – Забыли?

Я растерянно захлопал глазами.

– Ну, это... – она кивнула на кухню.

– А-а... Да, да, забыли. Конечно, забыли.

– Вот и хорошо. А теперь давай-ка за стол, кормить тебя будем.

Тяжкий груз, свинцовым гнетом висевший со вчерашнего утра на моих плечах, испарился так же быстро, как и появился. Оказывается, взрослые проблемы решаются очень легко. Впрочем, как и создаются.

Я слопал полсковородки яичницы с беконом, догнался полудюжиной блинов с малиновым вареньем, запил все это ароматным терпким чаем и, сытый, довольный жизнью, отправился в «Рояль». Заехав по пути к Азамату, я попросил его завернуть две шаурмы для друзей и купил упаковку баночек «Пепси». Мне очень хотелось отблагодарить Костю за чудесную систему, но, помня его реакцию на деньги, которые неловко пытался всучить парень в футболке со смайликами, свою благодарность я решил выразить несколько иным способом.

За прошедшие пару суток в «Рояле» ничего не изменилось – зал ломился от желающих ухватить удачу за хвост, не прилагая больших усилий. Протолкнувшись к столику Кости, я немного опешил – рядом с ним сидел Робот. Вот кого я точно не ожидал увидеть в компании своего друга. Хотя Робот тоже когда-то был моим другом... Наверное, мне стоит сказать несколько слов о нем.

Робот... Как же его звали? Странно, хоть убей – не помню. Я знаком с ним с детства, и какое-то время мы были завершенными корешами, но вот ни имени, ни фамилии его вспомнить не могу. На моей памяти его всегда звали Робот. Как я уже сказал, мы с ним довольно сильно корешились, но год назад он меня здорово подставил, и с тех пор мы не виделись. Чем занимался Робот? На этот вопрос однозначно ответить трудно – легче сказать, чем он не занимался. Добропорядочным, законопослушным гражданином он точно не был. Года три назад он организовал что-то типа притона для наркоманов. В дальнем конце поселка Старо-Силикатного, на самом его отшибе, за железнодорожными путями стояли два двухэтажных здания очень старой постройки. Некогда это были общежития для рабочих кирпичного завода, но предприятие давно закрылось, рабочие разъехались, а здания остались. Одно из них уже давно было заброшено, в нем никто не жил – ни окон, ни дверей в нем не было, и зачастую оно служило отхожим местом для постояльцев Робота, так как народа у него набивалось тьма-тьмуцкая, а туалет был один... Второе здание и облюбовал Робот. Правда, в нем еще жили непонятно откуда взявшиеся пара пенсионеров – довольно вредные старики, но к постояльцам Робота они сильно не лезли. Конечно, если те их сами не донимали. А такое случалось... В притоне постоянно собирались всякие непонятные личности – гопники, алкаши, нарики всех мастей. В общем, Робот не брезговал ничем, что приносило бы хоть какой-то дивиденд, но основным его занятием являлась продажа наркоты и оружия.

– О, Тоха! Привет! – Робот наигранно-весело приветствовал меня взмахом руки.

– И тебе не хворать. Привет, Костя.

– Привет, Антон. Рад тебя видеть.

– Вот, это тебе, – я водрузил на столик упаковку с «Пепси», сверху положил сверток с шаурмой.

– Антон... – осуждения в глазах Кости вроде бы не было. Скорее удивление.

– Пахнет вкусно, – Робот повел своим носом и протянул руку к свертку.

– Это Косте. Без обид, Робот.

– Ну-ну, – Робот отдернул руку и встал. – Ладно, Костян, пойду я. Подумай о том, что я сказал. В накладе не будешь, – обдав меня ледяным взглядом, он зашагал на выход.

Я присел на стул.

– Ешь, ешь. Такого ты ни в одном мишленовском ресторане не попробуешь.

Костя развернул сверток, откусил кусочек, осторожно пожевал, запил «Пепси», хмыкнул и за десять минут слопал все до крошки.

Я сидел молча, улыбался и наблюдал, как он уплетает за обе щеки.

– Вкусно. Правда. Никогда бы не подумал, что простая шаурма может быть такой вкусной.

– Это не просто шаурма, это шаурма, приготовленная с душой. Попробуй шаурму в тысяче разных мест, но ничего подобного все равно не найдешь.

– Согласен. Потрясающе вкусно, – Костя откинулся на спинку стула.

– Ты Робота давно знаешь?

– Первый раз вижу.

– Не понял...

– Ему кто-то посоветовал ко мне обратиться, – улыбнулся Костя.

– В плане чего обратиться? – легкий холодок пробежал у меня по спине.

– Он о-очень хочет получить программу вилок, – улыбка Кости стала шире.

Холодок в спине усилился.

– Костя, не связывайся с ним, а? Конечно, ты взрослый и умный, но Робот... он... Откуда он вообще узнал о вилках?

– Не знаю, – Костя задумался. – А ведь и правда, о программе знали всего несколько человек, – видя мое состояние, он вновь улыбнулся. – Расслабься, Антон. На фиг он мне нужен.

– Он не очень щепетилен в делах...

– Да выдохни ты. Мою программу он точно не получит. Таких дельцов мне в компаньоны не нужно.

– Костя, ты не понимаешь. Он... он опасен.

– Говорю тебе: забей. От меня он ничего не получит. Ладно, проехали. У тебя-то как дела? Схему опробовал?

– Да! Высший класс! Прямо волшебство какое-то.

– Ну-ну, волшебство. Надеюсь, тебе-то не нужно напоминать, что всякое волшебство может закончиться в любую минуту? Нужно всегда помнить об этом. Так что без фанатизма, лады?

– Да знаю я, Костя. Судьбу ведь нельзя испытывать на прочность, так что в этом плане ты за меня не переживай. Меня сейчас другое волнует.

– И что же тебя волнует?

– То, что я позавчера всю ночь в костюме сантехника пробегал.

– Что?! – Костя открыл рот и уставился на меня. – Это что, какая-то ролевая игра?

– Да какая там на фиг игра. Хотя... да, игра. «Супер Марио» называется. Знаешь такую? – и я рассказал Косте, как пытался пройти уровень в ипостаси Марио.

Видимо, мой рассказ был чересчур живым, а эмоции неподдельными, потому что к тому времени, как я его закончил, Костя чуть не скатился под стол от смеха. Немного отдышавшись, он вытер выступившие слезы и глотнул «Пепси».

– Ты так серьезно-то мою теорию не воспринимай.

– В смысле? Ты что, шутил? – настала моя очередь уставиться на него.

– Нет, почему же «шутил». Теория очень даже жизнеспособная и... – он запнулся. – Просто нельзя ее вот так сразу неподготовленному человеку вываливать, как я это сделал. Мой косяк. Извини.

– Костя, да нормально все. Просто... в общем, как только я начинаю вдумываться в то, что ты сказал, мне жутко становится. Как бы фантастично ни звучала твоя теория, но если

хорошенько разобраться, то в ней подкопаться-то не к чему. А главное – открываются ответы на вопросы, на которые человечество уже и не надеялось когда-либо ответить. Вроде бы все просто и одновременно... сложно.

– Стоп, стоп, стоп! Антон, я очень рад, что моя теория нашла отклик в тебе, но все же ее нужно постепенно осмысливать. Постепенно, понимаешь? Нельзя сразу объять необъятное. Шарики за ролики могут закатиться, и все... Давай так, чуть позже я продемонстрирую тебе полную доказательную базу своей теории, так сказать, ее практическое воплощение или... раз-воплощение, – Костя широко улыбнулся. – Вот тогда тебе вообще все понятно станет. А пока помаленьку усваивай и осознавай то, что уже услышал, хорошо?

– Ну-у, попробую. Правда, это трудно. Очень. Я начинаю чувствовать себя не совсем полноценным, а точнее – совсем неполноценным.

– Антон! Ты такие мысли даже в голову не пускай. Безусловно, первое впечатление может породить их, но, если ты будешь анализировать, откинешь эмоции, раздвинешь рамки привычного восприятия действительности, тем все больше теория будет предстать перед тобой в своем первозданном виде. Откинется вся шелуха, отпадут все вопросы, которые сейчас еще кажутся противоречивыми, и, возможно, тогда она не будет оглушать тебя так, как сейчас. Допускаю, что ты начнешь воспринимать ее уже не как теорию, а как... аксиому.

– Еще не легче, – выдохнул я.

– Не заикливайся, просто какое-то время привыкни к новому мировосприятию, хорошо?

– Хорошо, – вновь выдохнул я. – Ты не знаешь, куда Артем подевался? Я сегодня пару раз звонил ему, а абонент недоступен.

– Наверняка он в это время на собрании «Русского фронта» был. У них телефоны уставом запрещены, – улыбнулся Костя.

– Он, что...

– Да, продолжает искать того паренька. У него это теперь прямо идея фикс.

Я присвистнул:

– Серьезно, однако.

– Да. Главное, чтобы он не забывал, что «Фронт» – это далеко не «Арии», там серьезные ребята.

V

В понедельник начались мои трудовые будни. Ну-у, в принципе, вы уже знаете – швабры, какашки и прочие, не очень облагораживающие человека вещи. Хотя, если хорошенько подумать, то, возможно, что и наоборот – облагораживающие? Не знаю, у меня пока не было времени поразмышлять об этом, но я обязательно обмозгую это на досуге. Наверное... может быть.

Вообще-то отделение гематологии довольно печальное место. Непонятное название скрывает страшный диагноз тех, кто сюда попал, – острый лейкоз, в простонародье – рак крови. Конечно, врачи стараются бороться за каждого пациента, и порой небезуспешно, но все-таки в большинстве случаев это приговор. Потому, а может еще по какой причине, отношение к пациентам со стороны персонала в этом отделении несколько более заботливое и обходительное, чем в других отделениях. У нас с пациентами нянчатся. В прямом смысле этого слова. Сами понимаете – люди не утром, так вечером коньки отбросят, и хотелось бы, чтобы у них остались приятные впечатления... Ни фига себе, я загнул – приятные впечатления. Приятного мало, когда знаешь, что никто ничем тебе помочь уже не может и ты вот-вот отойдешь в мир иной.

Как мне кажется, при таком раскладе человеку вообще должно быть глубоко фиолетово на все, что происходит вокруг. Тем не менее мы нянчимся с пациентами. А больные люди, они ведь совершенно разные – одни с благодарностью принимают заботу и внимание персонала, а других жаба давит от того, что им скоро умирать, и они из кожи вон лезут, стараясь доставить нам как можно больше неприятностей. Порой складывается впечатление, что именно в персонале они видят единственную причину своей болезни и чуть ли не своих кровных врагов. В общем, хватало всяких.

О чем не сказала мне Михайловна при приеме на работу, так это о том, что график работы у меня «плавающий». Не скользящий, а именно «плавающий». С восьми утра до пяти вечера я проработал всего два дня, а дальше понеслось: сутки через трое, сутки через двое, смена через три часа после суток. Я же говорю, график «плавающий», скорее даже «дрейфующий», если вы понимаете, что я хочу сказать. Дело было в том, что у нас катастрофически не хватало персонала. В других отделениях, в плане работы санитаров, все просто – два человека на смену. Это по штату, и этого хватает. У нас же в отделении все несколько сложнее – по штату у нас четыре (!) санитар на смену, но текучка страшная. Психологически трудно привыкнуть к тому, что у тебя на руках умирают по три-четыре человека за неделю. Не все оказываются готовы к такому. В общем, текучка. И у пациентов, и у персонала.

Как это ни странно, меня это не напрягало. Бывали дни, когда я сам, по собственной инициативе, видя, что на работе завал, оставался после суток, чтобы помочь другим санитарам. Нет, в восторге я не был, но... Как бы это объяснить? Я чувствовал себя при деле. Да, точняк – именно «при деле»! Возможно, во всем виновато мое слишком развитое воображение, но теперь мысль моих родителей сделать из меня врача уже не казалась мне такой уж варварски дикой, и я даже начал представлять, как по прошествии лет этак десяти я, в маске и тонких резиновых перчатках, со скальпелем в руке и сосредоточенным выражением лица, стою в операционной и копаюсь в распахнутой настежь грудной клетке пациента, словно водитель под капотом своего автомобиля. Разобрать несложно, нужно научиться собирать обратно. Причем собирать так, чтобы не оставалось лишних деталей, когда соберешь... У меня вот они остаются даже тогда, когда я чиню простой электрочайник. А человек ведь далеко не чайник, поэтому нужно учиться, учиться и еще раз учиться! Вот такие мысли начали появляться у меня в голове.

Не поднимайте удивленно брови, не морщите лоб и не крутите пальцем у виска. Сам знаю, что переделать человека за пару недель невозможно. Догадливые какие. Ну да, была еще одна причина, по которой я шел на работу как на праздник. Так уж и быть, расскажу. Какой

смысл скрывать, когда и так уже почти все про себя выболтал? В общем, врачом в нашем отделении работала та женщина, дочке которой я купил гематоген в день своего трудоустройства. Кстати, оказалось, что это не ее дочь, а сестра. У нее же не было ни мужа, ни ребенка, ни котенка... Это я так, между прочим узнал.

Наше удивление было взаимным, когда мы впервые пересеклись в отделении. У нее было имя – Маша. Не Ивановна, не Сановна, а именно Маша! А я – Антон. Врач и санитар – это практически как Красавица и Чудовище, как Суламифь и Соломон, ну, или... в общем, сами придумайте. В любом случае, несостыковочка прослеживалась. Не такая, чтобы сразу вызвать порицание со стороны медицинского социума, но все же... Разница в возрасте – раз, разница в образовании – два, разница в социальном положении – три, ну и еще всякая прочая мура, которую так любят подчеркивать неуверенные в себе люди. Но я-то был уверен в себе! Наверное... может быть.

А может быть, я просто был глуп и зелен, не знаю. Мы с Машей часто обедали в больничном кафетерии. Вдвоем за одним столиком. Ничего необычного, скажете вы и, скорее всего, будете правы, но мне это очень нравилось. Зачастую после этих обедов я оставался голоден, потому что почти ничего не ел, а если и ел, то не смог бы сказать, что именно. Я просто сидел за столиком напротив Маши и не мог глаз от нее оторвать. Сижу, а сердце стучится так, что, кажется, вот-вот ребра сломает и вырвется наружу. Слушаю то, что она говорит, а сам слова сказать не могу. В общем, сижу, слушаю ее, смотрю на нее, и на душе так светло и тепло становится. В такие минуты мне казалось, что мир остановился и время замерло. Конечно, хотелось бы, чтобы и для Маши мир остановился, но... мало ли что нам порой хочется? Короче, не лирик я, но ощущения странные и, я бы даже сказал, волнующие. Одновременно и приятные, и настораживающие...

Ну что вы улыбаетесь, умники? Какой еще избыток тестостерона вы выдумали? Хотя... вполне может быть. Аллочка куда-то пропала из моего подсознания, так и не раскрыв секрет исчезновения таек, так что, возможно, дело именно в переизбытке этого гормона. Ну да ладно, я вообще не про это. Мой способ казаться плохим и злым с Машей вообще не работал – стоило мне ее увидеть, как тут же улыбка сама собой растягивала мои губы. Знаете, бывает, что ты знаешь человека всего несколько дней, а тебе кажется, что вы знакомы уже целую вечность. Вот так же у меня было и с Машей. Несколько раз мы с ней гуляли по лесу вокруг больницы, и она говорила, что ей хорошо и легко со мной. Мне с ней тоже хорошо. Наверное, все это может дать повод для возникновения всяких разных мыслей, но не спешите их озвучивать – мы с Машей вели себя как хорошие друзья.

В общем, работа мне нравилась, а общение с Машей компенсировало фекальные моменты...

Больше всего график моей работы не нравился Саре. Вместо увлекательных, почти ежедневных вечерних прогулок в моих руках по улицам города для нее настали безрадостные дни затворничества. Приходя домой, я теперь частенько заставлял ее в одной позе – она сидела на задних лапках у входа в свой домик и с тоской смотрела вдаль. Тоску в ее непроницаемых антрацитовых глазках рассмотреть было трудно, но я знал: она там есть. Кушать она стала совсем мало, а вот воду выпивала всю. Иногда я пытался с ней разговаривать, но она всем своим крысиным видом выражала полное безразличие к подобным заискиваниям, а порой просто отворачивалась и зевала.

Как я и ожидал, друзья, пронюхав о том, что я устроился на работу, стали чаще созваниваться со мной. Зарплату я еще не получал, а деньги, выигранные с помощью волшебной системы Кости, не афишировал, но они действовали на опережение, и вскоре начала образовываться этакая очередь за беспроцентным кредитом, который к тому же возвращать было не обязательно. Друзья мои! Как же я вас всех люблю! А уж как ценю за непоколебимую уверенность в моем бескорыстии и полном отсутствии зачатков меркантильности!

В общем, рабочие будни меня несколько оторвали от привычного образа жизни, но я от этого сильно не страдал. Единственное, что меня немного напрягало, так это то, что я все никак не мог дозвониться до Артема. Правда, Костя успокоил меня, сказав, что у него все нормально, да и вообще он уже большой мальчик. В этом Костя был прав на сто процентов – Артем действительно был большим мальчиком.

В конце второй рабочей недели, в субботу, после суточного дежурства я ввалился в комнату и, не раздеваясь, словно поваленное дерево, рухнул на диван. Смена выдалась суматошная, прикорнуть не удалось ни на минуту, поэтому сейчас единственным моим желанием было спать, спать и спать. Стоило голове прикоснуться к подушке, как я тут же провалился в глубокий сон. Но, видимо, в это субботнее утро мне не судьба было поспать. Телефонная трель с неумолимостью злого рока настойчиво и назязе ввинчивалась в мозг. Ну что за дурная привычка – не выключать телефон? Может, уgomонится? Где уж там – телефон замолкал на секунду-другую и затем вновь принимался звонить. Господи! За что? За что ты сделал меня человеком, который не может не ответить на телефонный звонок? Ну за что? Как ты вообще мог допустить, чтобы мысль об изобретении телефона пришла в человеческую голову? Так, стоп! Извините, лишканул. Телефон – штука полезная и в каких-то моментах просто необходимая, так что еще раз приношу свои извинения – это я от переутомления и недосыпа наболтал чего попало, и даже суточное бдение у коек тяжелобольных людей в этом случае меня не оправдывает. В общем, как бы я ни хотел спать, но на звонок ответил.

Звонил приятель, а его настойчивость оправдывалась новостью: Жижу зарезали. Совсем. Наглушняк. В общем, больше он у меня денег точно не попросит. В сонном тумане, окутавшем мой мозг, осознание случившегося происходило как-то медленно, но тем не менее туман этот начал рассеиваться. Окончательно внести ясность в мои мысли помог звонивший приятель, когда в конце разговора попросил займы. Выглядело это примерно так: «А ты что, не знал? Я первый тебе рассказал? Ха! Тогда плати за жареную новость». И я сейчас не прикалываюсь – звучало это именно так. Прямо блевать хочется. Не от разговора и не от звонившего, а от самого себя. Потому что не послал его на хрен, а, пообещав занять, отключился.

Сев на диван, я обхватил голову руками. Ну и что я имею? Усталость, жесткий недосып и... Господи! О чем я думаю? У меня друга убили, а я... Ну, убили и что? Я-то чем ему сейчас помогу? Тем, что не выплусь? Может, поднять руку, опустить и послать всех куда подальше? Где-то в кино я такое видел, но беда в том, что я не киногерой, к сожалению, и не могу себе такого позволить. К тому же потом ведь придется долгое время выслушивать фразы типа: «Как ты мог...», «Не ожидали...», «Он ведь был и твоим другом...». Моралисты хреновы! Как будто их связывает что-то большее, чем совместные попойки.

Ладно, успокойся. Хочешь спать – спи, а нет... Как бы то ни было, а Артем действительно был моим другом. Пусть он довольно часто создавал труднорешаемые проблемы, но не проводить в последний путь – как-то не по-человечески. Это во мне совесть заговорила. Не спит, сука! Бессонница у нее... В такие моменты я всерьез задумываюсь о том, как бы мне ее утопить, ну или хоть обменять у кого на какое-нибудь более полезное свойство характера. Правда, я почти уверен, что у меня из этой затеи ничего не получится. Во-первых, наверняка уже поздно – прижилась она у меня, а во-вторых – дураков не найдешь, а умным она без надобности. Без нее жить проще.

Тяжело вздохнув, я набрал номер Кости. В динамике раздались короткие гудки. Сбросив, я перенабрал – снова короткие гудки. Я сбрасывал и перенабирал раз десять, и все время номер был занят, а потом вообще исчез из зоны действия сети. Черт! Час от часу не легче.

Мозг отказывался принимать факт гибели Артема. В голову лезли всякие дурацкие мысли. Может, все это шутка? Или новый способ попросить денег займы? Нет, слишком уж креативно и даже несколько эпатажно. Непохоже...

Сон прошел, я встал, включил чайник и начал переодеваться. Вещи, в которых я работаю, то есть, в которых хожу на работу, пропахли человеческим потом и испражнениями. Скорее всего, запах этот у меня в голове, потому что, приходя на работу, я снимаю вещи и аккуратно вешаю их в отдельный пенал – такие есть у всех работников больницы. Вещи висят в этом пенале до тех пор, пока я вновь не надеваю их, возвращаясь со смены домой. Работаю же я в больничной униформе. Тем не менее, приходя с работы, я снимаю вещи с себя и бросаю их на диван. Блин! Надо их отнести в прачечную, а то скоро уже ходить будет не в чем. Умывшись и переодевшись, я заварил крепкий растворимый кофе. Бр-р-р... Сделав несколько глотков, я рассовал по карманам телефон, сигареты и вышел из комнаты. Сара даже нос не высунула из своего домика. Нужно будет все-таки сводить ее как-нибудь на прогулку.

Выйдя из подъезда, я присел на скамейку. Прямо напротив разбит небольшой палисадник с кустами роз. Это единственный приятный взгляду участок окружающего ландшафта. Слева, через дорогу – неухоженное футбольное поле. Сзади – два мусорных контейнера. Кстати, прикольная штука – контейнеры пусты, а мусор почему-то вываливают рядом с ними. Может, это какой-то квест? Ну, типа игры – уворачиваться от летающих по всему двору отходов, когда дует ветер. А ветер дует постоянно, вне зависимости от времени года – наш двор расположен в зоне повышенной турбулентности.

Закурив, я стараюсь смотреть только на кусты роз. Тысячи мыслей и вопросов роятся у меня в голове. Стоп! Так и с ума можно сойти. Телефон Кости все так же недоступен. Кому же мне позвонить? В памяти всплыло лицо Эшли. Кажется, я уже упоминал, что мы были с ней знакомы. Причем уже давно, еще со школы. Она неоднократно претендовала на то, чтобы лишиться меня девственности, но всегда терпела фиаско. Если честно, она мне нравилась, но... В общем, я не мог переступить через мною же созданную систему ценностей – ну, «на всю жизнь...» и так далее.

Пока у меня еще оставалась надежда на то, что новость о гибели Артема фейковая. Очень мне не хотелось верить в его смерть. Я понимал, что надежда эта призрачная, но ведь говорят, что она умирает последней. Моя еще конвульсивно дергала ножками, но через минуту, издав протяжный стон, все же умерла. Какой-то черный юморок пошел, да? А что вы хотите в субботнее утро после... В общем, вы поняли, позитивчика мало.

Я набрал номер Эшли. Через два гудка она ответила:

– Да?

– Привет, Эшли.

– О, Антон! Привет! Ты уже в пути?

– М-м... Куда? Я что-то пропустил?

– Так, стоп. В смысле – «куда»? Ты разве не слышал про Артема? Его так-то примокрили, – в голосе слышится раздражение.

Моя надежда достала револьвер и выстрелила себе в голову. Умерла во второй раз. Теперь уже точно. Отмучилась, бедненькая.

– Сегодня утром я уже слышал что-то подобное.

– Только сегодня?! Так-то мы на похороны едем. А ты? Приедешь?

Вот так, уже похороны. Работа отрывает от коллектива.

– А надо? – вырвалось у меня прежде, чем я успел остановиться.

Реакция последовала незамедлительно:

– Сними эту маску бесчувственной мрази! Тебе она не идет. Я ведь знаю, какой ты на самом деле.

Черт подери, прямо экстрасенс какой-то! Я и сам-то до конца себя не знаю, а она, видите ли, знает! Но я не перебиваю ее и продолжаю слушать.

– Он был и твоим другом! – она повышает голос. – В общем, так, если надумаешь, то к десяти будь у кинотеатра «Мир». Встретимся там, но учти: я не смогу тебя долго ждать, – Эшли отключилась.

На часах десять минут десятого. В принципе, время есть. Итак, Жижу все-таки убили... Похороны... Что я вообще знаю о похоронах? Проходит прощание с телом усопшего, затем гроб закапывают в землю, траур... С трауром, правда, сейчас как-то не очень. Не соблюдают его. По крайней мере, мне так кажется. Посидели, выпили, покушали, помянули... В общем, соблюли формальности и разбежались по своим делам. Поскорее забыть о случившемся, вернуться к обычной, привычной жизни, не омраченной памятью о трагедии. Сейчас даже черный цвет потерял значение траурного. Зачастую на похоронах можно увидеть молодых парней и девушек, разодетых в пух и прах. Да и не только молодых людей... А черный цвет, он теперь «стройнит и подчеркивает фигуру». Вот так. Нет, нет, я далеко не ангел, но что-то уходит из жизни людей, уходит навсегда, а пустота ничем не заполняется. А это опасно. Очень.

Взгляд скользнул по кустам роз.

– Моя мама их очень любит, – говорю я вслух сам себе и, тяжело вздохнув, встаю со скамейки.

Суставы в коленях захрустели. Эх, старость не в радость, молодость не жизнь. Еще восемнадцати нет, а хрущу, как развалина. Пора активизировать свою жизнь. Да куда еще-то? Просто какая-то неудачная суббота, потому и мысли не очень. Выкинув окурок, я поплелся на автобусную остановку.

Новость о смерти Артема все-таки сильно меня шокировала – все мысли были только о нем. Что случилось? Ведь должно же быть какое-то объяснение? Как он вообще позволил с собой такое сделать? А может, просто бытовуха? Слово за слово, хером по столу и труп? Возможно. Такое случается сплошь и рядом. Нет, здесь что-то другое. Но что?

Во мне одновременно проснулись Арчи Гудвин и доктор Ватсон. Не хватало только их боссов, но и этим двоим в моей голове было тесно. Яркий свет залил сознание, будто в черепной коробке загорелась лампочка. Ну, знаете, как в мультиках показывают. «Вот оно!» – сказал Арчи Гудвин, подняв вверх указательный палец. «Да, да! Точно!» – вторил ему доктор Ватсон. «Пошли вон! Оба!» – сказал я им мысленно, и они удалились из моей головы, что-то бурча себе под нос. Я же попытался ухватить за хвост промелькнувшую мысль. В последнее время я не мог дозвониться до Артема, так как его телефон был выключен. Так? Так. Что сказал по этому поводу Костя? Что уставом «Русского фронта» телефоны запрещены его членам, а Артем в последнее время посещал их собрания, так как искал того прыщавого парня... Воспитатель хренов, блин. Неужели это они его? Что же случилось? Он ведь просто хотел поговорить с этим Штапиком, попробовать пообщаться с ним не на языке силы... Вот и попробовал, черт возьми. Да, эта версия казалась мне самой правдоподобной и логичной, и я не сомневался, что прав. Я вновь попробовал дозвониться до Кости, но его телефон был выключен. Мне это уже совсем не нравилось. Где-то в глубине души притаилось нехорошее предчувствие.

Яркое граффити **Who I am?** на промелькнувшем за окном автобуса строительном вагончике – на некоторое время отвлекло меня от мыслей об Артеме, но ненадолго. По его словам, он почти знал ответ на этот вопрос... Костя точно знал, кто он. А я? Знаю ли я?

В задумчивости время летит незаметно. Я чуть было не проехал нужную мне остановку, но вовремя спохватился и вышел из автобуса. Эшли нигде не было видно. Время, назначенное ею, уже прошло. Черт! Зачем я вообще сюда приперся? Итак, что я имею? Вместо заслуженного отдыха после рабочей смены я тащусь на похороны друга. Мало мне усопших на работе. Жижу сейчас уже ничего не беспокоит, он свое отволовновался... Нет, зря вы так – сердце у меня есть. Большое. Наверное... может быть.

Я покрутил головой. Центр города. Кинотеатр «Мир» с его дешевыми дневными сеансами. Частенько я убегал со школы и, купив билеты сразу на два сеанса, уютно устраивался на заднем ряду. А вон там, за кинотеатром, огромное стеклянное здание «Книжного мира», где в отделах стоят обитые кожей небольшие диванчики, на которых, удобно расположившись, можно часами проводить время в компании любимых литературных героев. А прямо перед кинотеатром на высоком пьедестале установлен легендарный Т-34. Задуман он был как памятник славе русского оружия в победе над фашизмом, но со временем превратился в излюбленное место игр детворы. Для меня же этот памятник стал отображением приземленности жизненной философии моих родителей. Мне было всего шесть лет, когда я умудрился забраться сначала на сам пьедестал, а потом и на гусеницы танка. Возможно, я рискнул бы добраться и до башни, но тут мой взгляд упал вниз. Дыхание перехватило, тело парализовало, я не мог пошевелиться и замер, чуть сам не превратившись в памятник. На просьбы родителей спуститься вниз я не реагировал, тогда отцу пришлось подниматься и снимать меня. Вот тогда-то родители и сказали мне: «Сынок, довольствуйся видом снизу вверх, а не наоборот». Ну, вы поняли? А я запомнил! На всю жизнь! Где уж тут стать писателем, когда крылья подрезали еще в детстве? Возись, сынок, с утками и мечтай стать врачом.

О чем это я? Извините, отвлекся.

Мое внимание привлекла группа молодых людей, уныло бредущих мимо памятника в сторону многоэтажек. У многих из них в руках были цветы, бутонами вниз, выглядевшие скорее вениками, а не букетами. Присмотревшись, я заметил среди этой группы несколько знакомых лиц. Держась на приличном расстоянии, я последовал за ними туда, сам не знаю куда.

Погода начала портиться: свинцового отлива тучи уже почти полностью заполнили еще пять минут назад голубое небо. Дождя еще не было, но воздух уже наполнился прелым запахом сырости. Пройдя сотню метров, я оказался у главного входа на территорию похоронного бюро. За высокой кованой оградой толпилось довольно много народа. К сожалению, многих из них я знал лично и большинство из этих многих должны были мне деньги. Надежда на их возврат не умерла, но лишь потому, что никогда и не рождалась.

Тут собралась разношерстная публика. Я почти уверен, что все они были лично знакомы с убиенным, ну, или по крайней мере слышали о нем. Я уже упоминал, что при жизни Артем был очень общительным и компанейским парнем, и вот теперь его смерть, пусть и на какое-то время, а точнее – на несколько часов, примирила, в принципе, непримиримых и вечно враждующих между собой представителей различных субкультур. Кого здесь только не было – панки, рокеры, металлисты, анимешники, готы... Промелькнуло даже несколько розовеньких эмо... Этим-то что дома не сидится? В общем, это скопище больше смахивало на какой-то карнавал, а скорее – на шабаш, нежели на процессию прощания с усопшим: разукрашенные во все цвета радуги волосы, ирокезы, кожаные куртки, металлические заклепки... Не хватало только бездомных. Хотя мне показалось, что среди этого сборища представителей арт-, суб- и вообще непонятно каких культур, промелькнуло и несколько бомжей. По крайней мере, по виду. Начали образовываться кружки, в которых поминки уже шли полным ходом: бутылки с алкоголем передавались из рук в руки, и порой сквозь тихий шепот, которым старались разговаривать собравшиеся, вдруг прорывались взрывы веселого смеха, но они тут же стихали. Пока стихали. Говорю же, шабаш. Только пока самое его начало. Просто не успели разогреться, и хрупкие рамки глупых приличий еще не разлетелись в мелкие щепы. То ли еще будет!

Меня заметили только тогда, когда я уже был в самом центре этого столпотворения. Здороваясь на ходу, кивая смутно узнаваемым лицам, я проталкивался вперед в надежде встретить Костю, но его не было. Зато меня нашла Эшли – сзади раздался душераздирающий вопль раненой пантеры. Я не знаю, как кричат эти кошки, но именно эта ассоциация пришла мне на ум. Услышав вопль, я застыл на месте, как вкопанный. По спине пробежал холодок, кожа

покрылась мурашками, а волосы на затылке встали дыбом, как у дикого секача в брачный период. Медленно повернувшись, я лицом к лицу столкнулся с Эшли. Обхватив меня за шею, она уткнулась мне в плечо.

– Вот и ты! Я не дождалась тебя и ушла. Но ты пришел. Я знала, что ты придешь! – Эшли разрыдалась.

На какое-то время мы с ней привлекли всеобщее внимание похоронной тусовки: кто-то посмотрел на нас с пониманием, кто-то с удивлением, но посмотрели все. Правда, через секунду-другую все вновь вернулись к своим занятиям, и бутылки продолжили ходить по рукам.

Я прижал Эшли к себе и погладил по голове, пытаясь успокоить ее. Никогда бы не подумал, что она такая чувствительная. Я знал ее несколько другой. По крайней мере, в розовых одеждах я ее не видел... В голову лезли всякие глупые слова, я гладил Эшли по голове и приговаривал:

– Не плачь. Ну-ну, не лей ты слезы горькие, красавица моя. Настанет день, и я его найду. А как найду, так удавлю.

Как эти слова вырвались у меня, я не могу ответить себе даже сейчас, по прошествии многих лет...

Истерика Эшли прекратилась моментально. Она отстранилась от меня и посмотрела прямо в глаза:

– Это правда? Ты обещаешь?

Если честно, то в тот момент я на секунду растерялся. Под лопаткой кольнуло. Все-таки не зря говорят: «Язык мой – враг мой». Попытавшись справиться с оторопью, я твердо ответил:

– Да.

Слезы на глазах Эшли высохли мгновенно. Черт! А были ли они? Не знаю, врать не буду, но макияж точно не поплыл...

– Ты Костю не видела?

– Какого Костю?

– Ну, Костю-Грача?

– Это кто?

Вот так незадача. Почему я решил, что они знакомы?

– Ладно, забудь.

Пожав плечами, Эшли чмокнула меня в щеку и, взяв за руку, увлекла в здание похоронного бюро.

Изнутри заведение выглядело намного приличнее, чем снаружи. Смотря на здание с улицы, можно было лишь удивляться тому, что оно еще не развалилось: на асфальте валялись вывалившиеся из кладки кирпичи, из-под крыши сыпалась бетонная крошка и что-то еще, что сразу и определить-то было сложно. В общем, снаружи вид у здания был не очень презентабельным, а вот внутри дело обстояло куда лучше. Не шикардос, но вполне прилично и глазу приятно: стены оклеены обоями светло-синего цвета; на окнах шторы того же оттенка; с потолка на длинных металлических трубках свисали четыре матовых плафона, дававших достаточно света. Просто и строго. В воздухе витал запах ладана. Легкий для восприятия и приятный для обоняния. Эшли недовольно поморщила носик. «Ага! Вот и зашевелились твои бесенята», – усмехнулся я про себя. Войдя внутрь здания, я почувствовал себя более комфортно, что ли. Ступор, в котором я пребывал все время с момента известия о смерти Артема, начал проходить, и я вновь стал воспринимать окружающий мир более-менее саркастически-иронично. В общем, почти как всегда.

Внутри скорбящих было гораздо меньше, чем снаружи. Видимо, те, кто остался на улице, не прошли фейс-контроль. Подозреваю, что родственники просто попросили руководство

бюро не пускать их внутрь. Не захотелось им, чтобы трагедия превратилась в фарс. Думаю, людей можно понять.

Несмотря на более чем приличное внутреннее убранство, обстановка все же была унылая. Не тягостная, а именно унылая.

– Как-то все печальненько. Не находишь? – прошептал я на ухо Эшли.

Она одарила меня испепеляющим взглядом и вновь натянула на лицо скорбное выражение. Говорю же, пантера. Но вроде не раненая.

Гроб стоял почти вплотную к дальней стене помещения. Огромный, черный, лакированный макинтош. Перед ним большая фотография Артема с траурной каймой. Священник, худой высокий мужчина, лет пятидесяти, уже закончил все манипуляции, которые ему необходимо было выполнить и соблюсти, и теперь спокойно стоял среди родственников, опустив взгляд в пол. Наверное, скорбь выражал. Мне кажется, что он догадался о том, что ворота в рай на том свете покойному были закрыты еще на этом, и сейчас испытывал чувство вины по этому поводу. По крайней мере, у меня сложилось именно такое впечатление.

Я наклонился к Эшли:

– На похороны я не поеду.

Не оборачиваясь, она молча кивнула. Видимо, у нее тоже прошел приступ вселенского человеколюбия, и она вновь стала сама собой. Ну, а какая она, вы еще узнаете!

Сколько полагается простоять на прощании, чтобы можно было уйти, не нарушив приличий? Я не знаю, но мы простояли минут пятнадцать. Наверное, приличия были соблюдены, потому что Эшли шепнула мне:

– Пошли.

Моросящий мелкий дождик быстро набирал силу. На территории бюро уже никого не было. Видимо, поминки переместились в другое место. Не успели мы с Эшли сделать и пяти шагов, как вверху прогрехотали раскаты грома и тяжелые капли зашлепали по асфальту. Идти обратно не хотелось. Мы переглянулись, взялись за руки и пошли вдоль улицы. Возле небольшого магазинчика, торгующего галантереей, Эшли остановилась.

– Мне нужно кое-что купить, – она сделала шаг ко входу.

Я остался стоять на месте.

– Ты не пойдешь со мной?

– Нет. Ты иди, я тебя здесь подожду.

– Ты промокнешь.

– Иди, иди.

Хмыкнув, Эшли пожала плечами и скрылась за дверью магазина.

Я отошел в сторону, прикрыл глаза и ушел в себя. Упругие капли били по лицу, дуновение ветра и шум дождя были приятны на слух. Казалось, будто сама природа напевает легкую песенку. В этот момент я перестал задумываться о друзьях, которые не хотят возвращать мне долг, и о том, каким я кажусь своим знакомым: глупым, веселым, жалким, странным, смешным... В принципе, какая разница, каким я кажусь? Главное то, какой я внутри. Цепи социума разорвать очень трудно, но бывают моменты, когда и это становится неважно. Вообще ничего не важно. Именно такой момент был сейчас. Стоя под дождем, я не задумывался о воспалении легких, с которыми могу проснуться завтра утром, я просто чувствовал себя живым. Ведь я и вправду был жив! И мне было хорошо! Я слышал, что некоторые люди в такие моменты чувствуют, как жизнь бушует внутри них, словно ураган. У меня не так – я просто чувствую, что живой, понимаете? Все остальное кажется в такой момент нелепым и мелким, все проблемы остаются где-то позади, отступают, уходят на второй план. И вдруг приходит осознание чего-то высшего. Оно неуловимо и мимолетно, но прекрасно! Кто хоть раз испытывал подобное,

тот меня поймет. Это осознание наполняет тебя до краев, и у тебя появляется уверенность в своей нужности. Кому? Чему? Не знаю...

Вдруг на секунду мне показалось, что мое тело распадается на миллиарды мельчайших частичек, и вот я уже сам ливень и ветер! Вот оно – чувство полного воссоединения с природой, осознание себя одним целым с ней. То, о чем говорил Костя. Но почему-то именно в этот момент мне не хотелось верить в его теорию...

– Разве это не прекрасно? – шепотом спросил я сам себя и сам же ответил: – Конечно, прекрасно!

Я открыл глаза. Эшли стояла напротив и пристально наблюдала за мной. Выражение ее лица было задумчивым, правая бровь приподнята.

– Все хорошо?

– Куда дальше? – я легко улыбнулся, игнорируя ее сарказм.

– Даже не знаю.

– Значит, идем в бар с романтическим названием «Дорога».

Подойдя вплотную, Эшли посмотрела мне в глаза.

– Антон, ты в курсе, что весь промок?

– Сострила? Молодец! Да, Эшли, я промокший и очень счастливый, – я взял ее за руку и увлек за собой. – Ну и о чем ты задумалась?

– С чего ты это взял?

– Ну-у, идешь, молчишь, брови хмуришь. Такое ощущение, что у тебя вот-вот пар из ушей пойдет, – не очень удачно пошутил я, но Эшли, видимо, не поняла, что шутка была неуместна.

Вообще у нынешней молодежи с юмором как-то не очень. По десятибальной шкале выше пяти редко кто поднимается, а тех, кто поднимается, почему-то считают умниками. Парадокс...

Знаете, что ответила Эшли?

– Хорошо, засчитано. Теперь мы сравнялись, счет один-один.

И все это с таким глубокомысленным видом. Как вам это нравится? Напомните, пожалуйста, когда было один-ноль? Я, хоть убей, не помню. Это еще ладно, но ее последующие слова ввели меня в ступор. Порой понять, что происходит в этой маленькой головке, было очень сложно – темы менялись неожиданно и очень быстро. Женщина-загадка, и в первую очередь – для самой себя.

– Я вот о чем думаю, – продолжала Эшли, – тебе не кажется, что над нами что-то есть?

– Ты о чем?

– Ну-у... ад там, рай и все такое.

– Думаю, что что-то точно есть, – осторожно ответил я, искоса рассматривая ее профиль. – Ты вообще это к чему?

– А вот смотри, если после смерти ты узнаешь, что ошибался? Сильно огорчишься?

– Уверен, что нет. Все равно ведь что-то есть. Разве не так?

– Возможно, но я не верю.

– Твои атеистические взгляды я знаю, только зачем ты вообще тогда спрашиваешь, есть ли что-то над нами?

– Просто. Интересно было твое мнение услышать. Не хочешь говорить на эту тему, давай поговорим на другую. Как у тебя на личном фронте? Девушку нашел?

Ничего себе переходик, да? Говорю же, не поймешь этих женщин.

– Пока нет. Это дело у меня в процессе.

– Как, «нет»? А я? – Эшли потрепала меня по плечу и рассмеялась.

– Ты же знаешь, я ищу девушку за пределами своего круга общения, – я не поддержал ее игривого тона.

Но Эшли не сдаётся:

– Слушай! А помнишь Светку? Ну, с которой я тебя на своем дне рождения познакомил. Почему не она?

– К сожалению, ее я помню. Даже очень хорошо. А еще помню, как твоя подруга, накачавшись текилой, начала приставать ко всем парням, что находились рядом. Не помню точно, но вроде бы двое откликнулись навстречу ее повышенному либидо, а вот остальные не проявили особого энтузиазма. Двоих Светлане показалось мало и, когда остальные отказались от ее услуг, она почему-то принялась обвинять их в том, что они пытались ее изнасиловать. Эту подругу ты имеешь в виду?

– Она мне не подруга, – Эшли опустила глаза.

– Ну да, какая она тебе подруга? Она всего лишь мимолетная знакомая, которую ты по какой-то странной фантазии пыталась сосватать мне, да? Но дело в том, Эшли, что я не хочу попасть в тюрьму за изнасилование мелкого рогатого скота. Прихоть у меня, видишь ли, такая. Ну, и ко всему прочему, мне не понравился... цвет ее глаз, – я попытался смягчить «мелкого рогатого», но, видимо, зря – Эшли понравился этот эпитет, и она звонко рассмеялась.

– Да уж, в жизни всякое бывает.

Вот так просто.

– Ну, а у тебя как с парнями? – настала моя очередь проявить интерес к личной жизни Эшли.

– Все как обычно, – она махнула рукой. – Попадают лишь одни озабоченные ублюдки.

– Ну-у, по-моему, это как раз то, что тебе нужно. Разве не так? – не подумайте, я не нарывался на скандал, но промолчать не мог.

– Не смешно, – Эшли не отреагировала на мой выпад и счет на табло не поменялся. – Пока не могу отыскать себе нормального пацана.

– Все в твоих руках, – успокаиваю я ее, но чертенок-юморист, вцепившийся в мой язык, все никак не может утомиться. – Правда, боюсь, я не совсем понимаю, где ты пытаешься его отыскать? Надеюсь, не на свалке? Это – во-первых, а во-вторых – у тебя есть какие-то определенные критерии для слова «нормальный»?

– Да, есть.

– Не подумай, что я буду стараться как-то придерживаться этих критериев, но мне до жути любопытно услышать их. Озвучь, пожалуйста, – чертенок наконец оставил мой язык в покое.

Лицо Эшли приняло задумчиво-сосредоточенное выражение. Очень забавное зрелище, скажу я вам. Через минуту размышлений, она выдала:

– Во-первых, он должен быть красивым. Цвет волос, глаз, кожи – все это неважно, просто красивый, и все. Во-вторых, он должен быть не совсем дураком. И третье – он должен постоянно бегать за мной. Ну-у, чтобы я всегда чувствовала его заботу, понимаешь? Вот и все... Нет, не все, пусть он еще будет в меру ревнивым. Мне это нравится. Вот теперь точно все, – она с надеждой посмотрела на меня.

«Нет-нет, девочка, даже не смотри, я точно не твой парень и даже не кандидат на его место. Не надейся, я не пройду кастинг, провалюсь на первом просмотре», – это я про себя думал, а вслух сказал:

– Эш, это ведь уже не парень, это игрушка какая-то.

– Возможно, – легко согласилась она, – но меня бы такой устроил.

– Ничего нового ты мне не сказала.

Вздохнув, Эшли пожала плечами и соскочила с темы:

– Я тут с тобой вся промокла. Блин! Это ты, любитель сырости, во всем виноват.

– Да, я люблю дождь.

– Слушай, а ты как думаешь, кто-нибудь из наших найдет того, кто убил нашего друга?

Господи! Как работает ее мозг?! Зачем она напонила? Только-только в душе умиротворение восстановилось.

– Конечно. Я в этом не сомневаюсь. Вопрос лишь во времени.

Закурив, я осмотрелся по сторонам. Дождь уже закончился, но от этого день не перестал быть пакостным. Сами по себе серость и слякоть навевают уныние, а тут еще смерть друга... Что такое смерть? А жизнь? Мысли быстренько смотались в астрал и вернулись ни с чем – вопросы вечные, безответные. Когда-то я слышал фразу: «Смерть – неотъемлемая часть жизни каждого человека». Что к этому можно добавить? Да и нужно ли?

На торце дома, мимо которого мы проходили, яркими буквами черно-красного цвета кричит вопрос **Who I am?** Каждая буква метр в ширину и три в высоту. Что это? Знак? Два раза за пару часов...

Кто я? Хороший вопрос... Не знаю, не могу подобрать слова, чтобы сформулировать более-менее вразумительный ответ на него. Недосозревший мужчина? Дева по гороскопу и неудачник по жизни? Почему это «неудачник»? Лишь потому, что друзья пользуются мной и в лучшем случае считают живым банкоматом по бессрочным займам? Но ведь это совсем не повод, чтобы причислять себя к неудачникам. Мне еще восемнадцати нет. Вся жизнь впереди! А может, как говорит Костя... Нет, об этом даже думать не хочется. Не сейчас. Так кто же я? Никто. Тоже спорно. Когда-нибудь я обязательно найду ответы на все вопросы. И на этот тоже. Наверное... может быть.

Мне нравится бар «Дорога». Постоянные клиенты бара – парни и девушки в кожаных штанах или куртках. Веселые, позитивные, общительные. Почти у всех тату – черепа, кельтские узоры и кресты, какие-то непонятные руны. Несмотря на то, что воздух в зале насыщен ароматами пива, водки и табачным дымом, обстановка все же приятная. По крайней мере, я чувствую себя здесь хорошо и уютно. Такая, знаете, зона комфорта, где до тебя никому нет дела, если ты сам сильно не выпендриваешься. Но выпендривались здесь редко.

Заняв свободный столик, мы подзвали официантку и заказали два пива. От кружки меня сильно не накроет, а помянуть Артема надо. Пока ждали заказ, я рассматривал Эшли: белая кожа, правильный овал лица, выразительные светло-серые глаза, волосы цвета воронова крыла, стрижка каре – молодая, красивая, но не для меня. Слишком много в этой головке тараканов, причем мутированных. С такими никакая «Машенька» не справится.

Стоило официантке принести пиво, как мы с Эшли, словно по команде, отпили по половине и закурили.

– Что стало с твоей внешностью?

Оп-ля! Кого-то интересует моя внешность? Я внимательно посмотрел на Эшли. Раньше она не сильно-то отличалась заботливостью.

– Со мной что-то не так?

– Я только сейчас заметила – у тебя под глазами круги проступают. Да и в целом видок у тебя неважнецкий, уставший какой-то.

– Не высыпаюсь.

– Это вредно для здоровья. Как твое творчество?

– Не особо. Музы у меня нет, а вдохновение куда-то пропало. Вот... Ну а без него, как ты знаешь, ничего путного не сотворишь, – сделав глубокую затяжку, я выпустил пару колечек дыма. – Ты-то нашла работу?

– Ага, – Эшли сморщила носик, – знакомая одна устроила продавцом в отдел тканей.

Я вновь взгляделся в лицо Эшли: ее удивительные светло-серые глаза сейчас были пугающе-пустыми, но в то же время притягательно-загораживающими. Даже зная, что за ними скрывается далеко не самый выдающийся мозг эпохи, желание смотреть в них не пропадало. Бывает же так! Магия, однако. К моменту, когда Эшли допила первую кружку пива, она расслабилась – хмурость с симпатичного личика исчезла, не оставив и следа, чуть приметные мор-

щинки на красивом лбу разгладились. Алкоголь и сигареты? Непостижимо, но, скорее всего, да.

Я не собирался заказывать еще пиво и растягивал свою кружку по глотку, Эшли же уже прикончила вторую.

– Я в туалет, – она встала, – а ты давай допивай. Пора на крепкие напитки переходить.

– Без меня, Эш. Без обид, я – пас.

– Как хочешь, – хмыкнув, Эшли исчезла в коридоре за барной стойкой.

Подошедшая официантка сгрузила на столик литровую бутылку водки, упаковку томатного сока и стакан.

Минут через пять вернулась Эшли и сразу же начала приготовление коктейля.

– Ты чего это задумала? – я кивнул на почти полный стакан. – Учти: я тебя на себе не поташу, оставлю где-нибудь под забором.

Эшли моя угроза не испугала:

– Не верю. Я знаю, что ты так не поступишь.

Ну да, наверное, не поступлю. У меня же большое сердце и щепетильная совесть. Но все же мне не нравится перспектива тащить пьяную Эшли на себе. Заметив мое недовольство, она принимается канючить:

– Ну, Антон. Ну ты чего? День выдался тяжелый, и я хочу немного расслабиться. Немножко-о-о... Ну?

– Судя по твоему заказу, это больше похоже на то, что ты решила основательно напиться.

– Нет. Что ты! Просто немножко расслабиться. Совсем чуть-чуть, а?

– Неубедительно.

– Ну, Антош... Я совсем чуть-чуть, ага?

– Хочешь нажраться – нажирайся, домой я тебя не поташу.

– Фи, как грубо, – она наморщила носик и захихикала. – Ну, Антон, не сердись. Все будет прилично.

Часа через три бутылка была пуста на две трети. Эшли еще держала голову, но уже что-то бурчала себе под нос. Я не понимал, что она говорит и с кем вообще ведет беседу.

Знаете три степени опьянения? Первая – это когда достал, поссал, забыл стряхнуть; вторая – достал, стряхнул, забыл поссать; и третья – поссал, стряхнул, забыл достать... Делая скидку на то, что Эшли все-таки девочка, на данный момент она находилась на переходной ступени между второй и третьей стадиями. Моя перспектива в самое ближайшее время оказаться в роли пешеходного рикши сильно увеличивалась и продолжала усиливаться с каждой минутой, с каждой секундой. Я не выдержал:

– Куда в тебя столько лезет?

– Нормально все, – вполне членораздельно отозвалась Эшли.

Странно. Шутки шутками, но совсем скоро она дойдет до такой кондиции, когда мне действительно придется ее на себе тащить. Перспектива вырисовывалась не радужная, и ведь бросить ее совесть не позволит – не обменял я ее. Усталость и недосып дают о себе знать: глаза слипаются, а дремотный туман опускается на сознание. За его пеленой уже начали исчезать воспоминания о неприятностях сегодняшнего дня. Пора закругляться и улепетывать отсюда, пока совсем не сморило, а то скоро меня самого придется тащить. Только кому?

Положив руки на столик, Эшли тупо уставилась на них.

– По-моему, тут стало прохладно.

Я дотронулся до ее ладоней – ледышки.

– У тебя всегда руки такие холодные, или только когда перепьешь?

– Это нормальное явление, – Эшли икнула и прикрыла рот рукой.

Наверное, я все-таки ошибался: стадия опьянения была пока лишь вторая, до переходной ступени она еще не дошла. Закалка дает о себе знать! Другая на ее месте после таких возлияний

уже не мычала бы, а эта – ничего, крепится. Лицо потухло, краски поблекли, но учитывая то, что этот день ее явно морально вымотал, да и выпила она много, даже сейчас она выглядела неплохо.

Необходимо было срочно выбираться на воздух. Конечно, можно вызвать такси, но отсюда до моей «конуры» хода минут пятнадцать, так что, заморачиваться не стоило. Я расплатился и поднялся со стула. Эшли тоже встала, явно намереваясь последовать за мной. Ну и что делать? Ау, совесть?! Молчит. Притаилась. Ну да ладно, на улице решу.

В воздухе разлит запах свежести и радости жизни, что ли. Тепло. Я вдохнул полной грудью – хо-ро-шо! Взяв руку Эш в свою ладонь, я наклонился к ней и поцеловал в шею. Странно хихикнув, она спросила:

– Это еще что за детский сад?

– Почему же «детский сад»? Это всего лишь проявление симпатии, теплых чувств. Между прочим, некоторые люди так проявляют свою любовь.

– Да? Гляделками и поцелуями в шею?

Умеет же она все испортить. Такой чудесный вечер и... Зацепила она меня сильно, если честно. Табло поменяло счет, и не в мою пользу. У-у-у... И еще этот ее взгляд – она смотрит на меня как на маленького, слабоумного мальчика! Или я просто накручиваю себя? Неважно, табло вновь поменяло счет. Кстати, а вы умеете смотреть на себя изнутри? А я умею!

– Пойдем ко мне, Антон.

– Роскошное предложение, Эш, но я, пожалуй, откажусь. Пойду домой, отосплюсь.

– Ну, пожалуйста, Антон. Не оставляй меня одну. Хотя бы этой ночью.

У-у, завелась знакомая пластинка. Любой другой на моем месте был бы только рад. Ну а что, вдрабаган пьяная девулька зовет к себе домой, и явно не в куклы играть. Что еще нужно, чтобы приятно закончить не очень приятный день? У меня же в мыслях, как это избежать, а еще лучше – вообще сбежать. Ну не урод ли? Нет, не могу я так. Я ведь говорил уже, трепетно я к этому отношусь, очень трепетно.

– Хорошо, но спать мы не будем. Держи свое либидо на привязи, хорошо?

– Ага, – Эшли вновь хихикнула.

– Так что там с «детским садом»? – меня все еще не отпустило.

– Вот именно – детский сад, Антон. Ясли, честное слово. В наше время, Антош, любовь не та, что была раньше. Сейчас любовью называют самые обычные потрахушки. По-тра-хушки! Понимаешь? Все, романтика кончилась, Антош. Усек?

– Нет, Эш, ты ошибаешься. Такого просто не может быть.

– Почему? Не будь занудой, – Эшли была сама невозмутимость.

Скорее всего, именно это меня и взбесило. Конечно, можно все свалить на мои запутанные отношения со своей девственностью... Не знаю, но меня вдруг прорвало какое-то словесное недержание:

– Ах, ну да, извините, совсем забыл: в наше время ведь совсем не стыдно спалиться с голой задницей на заднем сиденье автомобиля, в туалете магазина или в кинотеатре при полном зале. В чем-то ты права, сейчас любовь – это что-то среднее между групповой порнухой и групповой порнухой с участием малолеток. У девяноста процентов моих знакомых в голове один секс. «Как бы затянуть ее в постель?», «Какая классная у него жопа!» – вот основное направление их мыслей. Они не умеют или просто не знают, как правильно и красиво проявить свои чувства. Как это было принято у наших родителей – нормальных, адекватных людей, не озабоченных удовлетворением одних лишь своих сексуальных потребностей, – я закурил, руки дрожали.

Что со мной? Зачем я все это ей говорю? Но, видимо, мне было необходимо выговориться, и я продолжил:

– Почему ты считаешь бредом прогулки в обнимку по аллее? Походы в кино? Поцелуи в шею? Почему от этих невинных, искренних проявлений чувств ты воротишь нос и говоришь: «Детский сад»? Потрапушки, говоришь? Так теперь называют любовь? Скажи еще, что тебе тоже нравится педофилия, которую прикрывают модной нынче поговоркой «Любви все возрасты покорны». А что? Это ведь тоже любовь! Ей – шестнадцать, ему – тридцать пять, и она остается у него ночевать – он, видите ли, поможет ей уроки сделать. По какому предмету?! По «Камасутре»? – я уставился на Эшли, ожидая ответа.

Однако мое красноречие не произвело на нее никакого впечатления – пустой взгляд красивых светло-серых глаз, снисходительная пьяная улыбка.

– Антош... ну, возможно, ты прав, но... по-честному? Мне как-то плевать на это. Не трахай ты мне мозг, лучше трахни меня, а? Единственное, чего я сейчас хочу, так это чтобы ты меня трахнул и этот чертов день наконец закончился.

В принципе, чего и следовало ожидать. Она ведет себя словно похотливая сучка, пытается казаться взрослой женщиной, хотя на самом деле еще совсем ребенок. Что это? Юношеский максимализм? Надеюсь, что когда она все же повзрослеет, то поймет, в чем была неправа и в чем ошибалась. Главное, чтобы не было слишком поздно.

Остаток пути до дома Эшли мы прошли молча. Она наверняка ждала, что я что-нибудь скажу, но у меня не было ни малейшего желания продолжать этот разговор. Думаю, будь Эшли немного потрезвее, то не сказала бы ничего подобного. Как мы любим обелять и оправдывать других людей, да? Но дело в том, что, оправдывая их, мы, в первую очередь, пытаемся оправдать себя и свои слабости. И зря. Так нам никогда не стать сильными. Но сейчас я не об этом. Я и сам взял лишнего, выпалив такую речь. Ни к чему это было, но что теперь сожалеть, ведь сказанного не воротишь. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

Квартира встретила нас тишиной. Эшли включила свет в прихожей.

– Разувайся и проходи.

– А где родители?

– Уехали к родственникам. На четыре дня! Квартира в нашем полном распоряжении!

– Наверное, ты этому очень рада?

– Спрашиваешь еще! Я безумно рада! – она скинула туфли и прошла в спальню.

Я же отправился на кухню варить кофе – мне необходимо было взбодриться.

– У тебя вообще кофе есть? – прокричал я Эшли.

– Да. В пенале посмотри, – прокричала она в ответ.

Как в лесу, бля...

На самом деле, из Эшли бы получилась отличная повариха. Что-что, а готовит она вкусно, пальчики оближешь, но вот с кофе не дружит вообще. Напрочь. И если бы я сейчас попросил сварить ее кофе, то получил бы пойло черного цвета, которое невозможно было бы пить. Это мы уже проходили. Так что, увольте, сам справлюсь. Через пару минут нехитрых манипуляций я уже слежу за тем, как в турке закипает этот чудесный напиток, выкидывая струйки пара сквозь поднимающуюся шапку гущи. Волшебный аромат заполнил все пространство небольшой кухоньки. Разлив кофе по двум маленьким чашечкам, я сполоснул турку и отправился в спальню.

Интересно, добралась Эшли до кровати или уснула на полу? Такое уже бывало, это мы тоже проходили. Мы вообще с ней многое проходили, кроме совместного секса, хотя она и пыталась, причем неоднократно, меня соблазнить. Возможно, это у нее такая идея фикс, эталонный бзик по этому поводу. Не знаю, но попытки периодически повторяются. Надеюсь, сейчас она уснула, иначе...

Оказалось, именно «иначе». Эшли сидела на кровати в ожидании меня. На полу у ее ног смутным ворохом валялась одежда. Та-а-ак, попытка номер... Честно? Не помню, сбился со счета.

Встав с кровати, она медленно подошла ко мне. У Эшли прекрасное тело и хорошие пропорции. Сиреневый бюстгальтер высоко вздымается в унисон с грудью второго размера.

– Ну? Так и будешь стоять как истукан? – тихий волнующий шепот слетает с ее губ.

Не помните, из какого фильма фраза? Я, к сожалению, тоже. Чего ты ждешь от меня, Эшли? Чего?! Неужели думаешь, что в этот раз получится? Ты ведь прекрасно знаешь, что это бесполезно. Знаешь! Так зачем? Или у твоей надежды девять жизней?

Взяв меня за руку, Эшли пытается увлечь меня на кровать. Боясь пролить кофе, я не двигаюсь с места.

– Что-то не так?

– В какой раз ты повторяешь это, Эшли? Тебе самой-то не надоело? Перестань! – освободившись от ее руки, я прошел к комоду и поставил на него одну чашку. Затем обернулся к ней. – Не «что-то», Эшли, а все не так. Извини, но ты ведь меня знаешь. Мы с тобой это уже неоднократно проходили, – сделав маленький глоток кофе, я обхожу ее, направляясь обратно на кухню, но застываю на месте, не успев переступить порог спальни. Эшли начинает говорить, а я начинаю осознавать смысл произносимых ею слов.

– Антош, а знаешь что? Я часто задаюсь вопросом: ты вообще нормален? Сейчас, здесь, я стою перед тобой практически в чем мать родила, и я не против. Я хочу тебя. Секс без обязательств, понимаешь? Потрахались и разбежались, никто никому ничего не должен. Все просто. Но ты не хочешь. Почему? Или ты невообразимо нагл, раз отказываешь мне, причем в моем же доме, или ты импотент и просто строишь из себя недотрогу, прячась за нафталиновой моралью. Ну-у, или ты гомик, и женщины не интересуют тебя по определению. Так какой из трех вариантов верный, а, Антош? Очень мне любопытно.

С каждым словом Эшли меня накрывали жаркие волны гнева. Свободная рука непроизвольно сжалась в кулак. Я отчетливо понимал, что нельзя сейчас давать волю эмоциям. Не сейчас. Потом. Наверное... может быть.

Закрыв глаза, я медленно сосчитал про себя до пяти, сделал несколько глубоких вдохов и, не оборачиваясь, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.